

А. Аргунов

Студенты²

Студенты

Анатолий Аргунов
Студенты. Книга 2

«Астерион»

2011

Аргунов А. В.

Студенты. Книга 2 / А. В. Аргунов — «Астерион»,
2011 — (Студенты)

Роман Анатолия Аргунова рассказывает о жизни ученого и врача. Лежа на больничной койке, он вспоминает о прошлом — учебе, любви, дружбе, карьере, переосмысливает некоторые поступки и события. Книга во многом перекликается с судьбой автора. Жизнь студентов прослеживается с конца 60-х годов XX века и продолжается в настоящих поколениях — студентах XXI века. Века нанотехнологий, новых открытий во всех сферах человеческого бытия. Но студент — во все времена студент. Переживания и поступки героев, отраженные в этой книге, будут интересны и нынешнему поколению студентов и читателей. «Работа врача в сельской местности — не прогулка по Невскому проспекту. Чуть что — вызов. То у бабушки давление поднялось, то у тракториста в период пахоты гастрит обострился, а то кто-то что-то такое выпил — рвота с поносом. И все по-срочному, без выходных и праздников. Хорошо, что в больнице был еще хирург да врач-педиатр, а то бы совсем атас. И, постепенно втянувшись в эту череду повседневных и не очень приятных дел, Женька, к тому времени Евгений Ефимович, привык ко всему относиться философски, мол, береженого Бог бережет, а кому суждено умереть, то никакая медицина не поможет...»

© Аргунов А. В., 2011

© Астерион, 2011

Содержание

Глава 1. Жизнь без прикрас	5
Глава 2. Откровения	13
Глава 3. Неделя потрясений	24
Глава 4. Дурь	31
Глава 5. Памятью в детство	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анатолий Аргунов

Студенты. Книга 2

Глава 1. Жизнь без прикрас

Женька Вельяминов умер. Его студенческого друга не стало!

Эта весть обрушилась на Савву Николаевича, как тайфун «Иван» на берега Калифорнии. Все видели его зарождение, строили прогнозы, мол, пронесет стороной, только Кубе, как всегда, достанется. Она как волнорез для Америки – все стихии океана гасит, принимая основной удар на себя. Им бы, американцам, памятник кубинскому народу поставить за самоотверженность и героизм, а они его блокадой душат. Но Фидель еще жив, а с ним и нестигаемый дух кубинской революции. Viva Cuba!

Лозунг вспомнился Савве Николаевичу из его далеких теперь детства и юности, когда между огромной и мощной страной, супердержавой СССР, и Кубой существовали очень романтические отношения. Гигант в образе русского медведя и стройная смуглая девушка, танцующая румбу, олицетворяющая Кубу, стали символом дружбы навек. Но задули ветры холодной войны, усиливающиеся уже в обратную сторону от Кубы, на Восток, и волна перестройки захлестнула огромные просторы его страны, в один миг утащив в океан западной цивилизации союзные республики. Россия осталась одна-одинешенька на Востоке, а Куба – на Западе, разделенные не только Атлантическим океаном, но и идеологией. Россия стала вдруг строить капитализм, а Куба настойчиво, плача, выбиваясь из последних сил, продолжала бороться за мировую правду – коммунизм. Их команданте хоть и сильно сдал, но взор не потух, и миллионы молодых кубинцев подхватили из его слабеющих рук знамя свободы, чтобы никогда и никому не отдавать.

А его любимая Россия-матушка продолжала кувыркаться в поисках своего места в мировом рейтинге стран, скатываясь все ниже и ниже. Почему так? Этот вопрос не давал покоя Савве Николаевичу. Иногда просыпался посреди ночи и не мог понять, где он сейчас. Хотя четко знал, что лежит в кровати, в своем теплом и ухоженном доме, что рядом тихо посапывает жена. Все так. Но лунное пятно на стене спальни с какими-то лунными человечками, словно призрак, проникало в святая святых его мозга и не давало покоя. «Господи, где же я действительно нахожусь?» – каждый раз пытался спросить себя Савва Николаевич и не находил ответа. «Сюрреализм какой-то», – стучала в его висках мысль. Он отгонял ее прочь, пытался считать до ста, потом до тысячи, но так и не мог заснуть. Наконец, под утро, забывался зыбким сном, чтобы в назначенное время проснуться разбитым и подавленным. И так много лет подряд. Потом по привычке делал короткую зарядку с бегом и приседаниями и, отойдя от грустных мыслей, терзающих его душу, шел на работу. Там Савва Николаевич преображался: полный оптимизма, яркого остроумия, вежливый и тактичный. Таким он предстал перед студентами и коллегами. Те завидовали. Все кругом рушится, все не так, а он словно радуется. Что за человек?!

Но Савву Николаевича мало что радовало. И совсем уж некстати пришла весть из Санкт-Петербурга. Позвонил декан факультета, на котором учился его внук Денис, и вежливо, но решительно сказал:

– Савва Николаевич, вашего внука, студента Мартынова, мы отчисляем из института за неуспеваемость и прогулы.

– Как отчисляете? – не поверил сначала Савва Николаевич.

– К сожалению, это так, – ответил декан. – Мы много раз пытались Дениса направить, если хотите – уговорить. Но он не захотел ни учиться, ни нас понять... Мне неприятно говорить об этом, Савва Николаевич, но я обязан вам это сказать.

– Погодите, а ректор? Александр Васильевич об этом знает? – перебил было декана Савва Николаевич.

– Да, конечно. Он, собственно, и поручил мне поговорить с вами..

Возникла пауза.

– Вы слышите меня, Савва Николаевич? – переспросил декан.

– Да, слышу. Спасибо, что сообщили. А есть надежда на восстановление? – спросил Савва Николаевич.

– Конечно! Через полгода, если он захочет дальше у нас учиться – восстановим.

– Хорошо, я понял.

И Савва Николаевич, даже забыв попрощаться, отключил мобильный телефон. «Вот она, черная полоса», – подумалось ему в ту минуту. Мало, что душа вся исстрадалась за хамство и пошлость нынешней жизни. Теперь вот, на тебе, внук сюрприз преподнес. Первым делом Савва Николаевич решил позвонить ректору академии и узнать все, как говорится, из первых уст. Но оператор при наборе номера повторял одно и то же: «Набранный номер временно недоступен. Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». И гудки, гудки, гудки.

«Что же делать?» Савва Николаевич стал расхаживать по кабинету туда-сюда, ища выход из создавшейся ситуации. Безвыходных положений, он считал, не существует. «Выход всегда напротив», – говорил он студентам на лекциях и приводил пример из времен Великой депрессии в США, когда в нью-йоркском метро ежедневно погибали десятки людей, бросившихся под рельсы электровоза. Так они отвечали на свой психологический срыв в то жуткое время. Психологи решили изучить ситуацию и пришли к мнению: люди делают свой последний шаг в мир иной, прочитав на стекле вагона надпись: «Выхода нет». Это становилось последней точкой, связывающей их с этим миром. Дальше – шаг в небытие. И тогда-то на стеклах вагонов появилась другая надпись: «Выход напротив!» Самоубийства прекратились. Да, велика сила слова!

Савва Николаевич стал задумываться, что же такое сказать, чтобы внук его понял. Но главное, как ему понять своего внука? Вот ведь как в жизни бывает: вроде бы все идет по плану, хорошо, и вдруг раз! – и стопор. Отчего? Почему? Жизнь, конечно же, дает ответ. Работать нужно, и прежде всего над собой. Но это так трудно – пересилить себя, свои привычки, убеждения. Это все равно что заново родиться. Редко кому такая метаморфоза удастся. Все зависит от возраста. В молодости все делают ошибки. Один больше, другой меньше, они неизбежны. Кто-то быстро понимает, что пошел не по той дорожке, а кто-то отмахивается от советчиков, мол, нечего учить, сами-то на себя посмотрите, учителя! Всю жизнь пахали, а что в итоге? Пшик. И продолжали скользить вниз, пока сильно не ушибали бока. Ну а были и такие, кто, набрав скорость, катился вниз столь стремительно, что никакие стоп-сигналы уже не действовали. Так и уходили в небытие, не успев толком ничего сделать. «Господи, сколько у меня таких вот знакомых и друзей было – не счесть».

И Савва Николаевич вдруг четко представил образ своего студенческого друга – Женьки Вельяминова. Хороший, добрый парень, учился без надрыва, но основательно, и в конце-концов из него получился отличный специалист, врач-терапевт. После распределения судьба забросила его в N-скую область, в один из отдаленных районов. Работал терапевтом в ЦРБ, вскоре женился на своей студенческой подружке Ленке. Та была медсестрой, очень миловидная и хохотунья. Они стали прекрасной парой, уравнивающей друг друга. Он – спокойный флегматик, она – яркая, веселая, с бьющей через край энергией. Вскоре у них родилась дочь, назвали они ее Катюшей, в честь Екатерины II, памятник которой стоит в сквере на Невском проспекте. Там они познакомились, первый раз поцеловались. В общем, все, что было

хорошего и доброго в их студенческие годы, было связано с этим памятником и сквером. Там же Женька объяснился своей раскрепощенной Елене в любви.

Работа врача в сельской местности – не прогулка по Невскому проспекту. Чуть что – вызов. То у бабушки давление поднялось, то у тракториста в период пахоты гастрит обострился, а то кто-то что-то такое выпил – рвота с поносом. И все по-срочному, без выходных и праздников. Хорошо, что в больнице был еще хирург да врач-педиатр, а то бы совсем атас. И, постепенно втянувшись в эту череду повседневных и не очень приятных дел, Женька, к тому времени Евгений Ефимович, привык ко всему относиться философски, мол, береженого Бог бережет, а кому суждено умереть, то никакая медицина не поможет. Такой мудрости его научил приятель с большим жизненным опытом и стажем – Лев Филиппович Тюрин, врач-рентгенолог, которого все за глаза звали Левка Темный, видно, из-за его темного кабинета.

Но как бы там ни было, Левка Темный стал раз за разом отвоевывать новые позиции в общении с молодым и неискушенным терапевтом.

Первым делом он преподнес цветы, скромный букетик из полевых цветов – ромашек, васильков, иван-чая, ирисов и еще каких-то, неизвестных ему, в изобилии растущих на полях вокруг поселка, Елене, которая аж засветилась от удовольствия.

– Спасибо вам, Лев Филиппович! Какие чудные! А как пахнут! – От удовольствия не знала, что еще сказать. – Женька, приглашай гостя, чай пить будем, у меня как раз коробка конфет принесена. Прибалтийская «Лайма», свежие, только что в сельпо привезли, – крикнула она, на ходу поправляя прическу из пышных волос и мимоходом взглянув на себя в зеркало.

– Не беспокойтесь, Елена, я на минутку зашел. Хотел с Евгением Ефимовичем пообщаться по поводу одного больного. В больнице не было времени, а тут шел с речки, вижу – вы дома. Вот и зашел.

– Да заходите, заходите, не стесняйтесь, Лев Филиппович. Мы живем скромно, слава Богу, что квартиру дали. Пока не обустроились, но принять гостя и посадить есть на что. Остальное пока в проекте.

– Все с этого начинали, – поддержал хозяйку дома Левка Темный. – Я вот еще два года назад ремонт в своей хибаре затеял, до сих пор закончить не могу. А когда? То дежурство, то работа, то еще что. Хорошо, что жены нет, ругать некому. А то, наверное, из дома бы выгнала, – засмеялся Левка Темный.

– Ну ты, про...ходи, – немного заикаясь, позвал Левку Темного Женька, – да хвастайся.

– Нечем, брат Евгений, нечем. Одни заботы. Лучше скажи, знаком ли тебе такой больной – Малкин Семен из деревни Тухомичи? Не то тракторист, не то комбайнер. Числится по списку номер один – механизатор, одним словом.

– Не-а, не помню. А-а-а что с ним? – спросил Женька.

– Да вот в этом-то вся заковырка. Боли в груди, заложило все, говорит. Я снимок сделал – там ничего. А он свое – дышать не могу, болит, и показывает на грудь. Хочу вот с тобой посоветоваться, может, какой-никакой бронхит написать? А то не даст он нам покоя, начнет бегать ко всем, к главному, а потом в райком... Знаю я этих трактористов. Пьют, пьют, а если что – мы труженики села, о нас, мол, особая забота. И давай правду искать.

Тем временем Елена накинула скатерку на столик, стоящий в комнате, поставила в вазочку цветы и стала расставлять чашки с блюдами. Посередине красовалась коробка с шоколадными конфетами.

– Проходите, проходите, хватит вам о делах. Садитесь за стол, – хлопотала веселая и задорная Елена. – Вода уже вскипела, сейчас чай заварю – и готово.

– Да погоди ты с заваркой. У нас где-то бутылка сухого вина была, – остановил хлопочущую жену Женька. – Давай ее сюда.

– Да ты что, забыл? Когда это было? То вино давно уже выпито. Но можно же сходить... – ответила бойко, как бы между делом, Елена.

– Зачем же? Я так, на всякий случай, прихватил. Не знаю уж, какое оно хорошее, но мне продавщица Мария Захаровна порекомендовала.

И Левка Темный, как маг на сцене, вытащил из кармана широких брюк пухлую бутылку с яркой этикеткой.

– Что это такое? – взял в руки пузырь Женька. – Ром кубинский, пятьдесят шесть градусов. Крепкий. Мужики говорят, что в голову ударяет после первых двух рюмок, а потом все светлее становится и светлее, только ноги не идут, а в пляс просятся.

– Да ну, – не поверила Елена. – Неужели такое крепкое вино бывает?

– Ром всегда крепкий, на то и ром, – констатировал факт Женька. – Тогда, Ленуля, подавай рюмочки. Коньяк и ром из рюмок выпивают.

– Я мигом. А вот чем закусить? Надо бы что-то сготовить...

– Да ничего не надо. Ром, когда пьют дамы, то закусывают конфетой, а мужчины – сигарой, иначе кайфа не будет, – проговорил весело Левка Темный в предчувствии удовольствия.

На этом и сошлись. Вскоре все трое, захмелев, весело смеялись над деревенской жизнью, вспоминали недавние и теперь уж невозвратные студенческие времена. С этой самой бутылки рома и началось падение семьи Вельяминовых. Сначала спилась жена Елена, а потом медленно и верно сам Евгений. Кто был в этом виноват – особый разговор, долгий и трудный. Но Савва Николаевич вспомнил его не случайно. Безволие ли, плохие ли друзья, желание уйти от настоящего дела или, наоборот, от безделья, рано или поздно приводят русского человека к вину. Жуткая, безобразная дорога в никуда. В последний раз Савва Николаевич видел своего друга Евгения за несколько дней до смерти. Старшая дочь Катюша, уже взрослая женщина, позволила ему и попросила встречи. Савва Николаевич не сразу понял, с кем говорит. У нее давно была другая фамилия, она несколько лет прожила с мужем за границей и вот вернулась. А тут такое...

Савва Николаевич согласился на встречу. То, что рассказала Катерина, трудно поддавалось разумному объяснению. Однако факт оставался фактом – его студенческий друг спился и превратился, по сути, в бомжа. В это Савве Николаевичу было трудно поверить, и он решил поехать и разобраться сам: что же случилось с Женькой Вельяминовым?

Стояла ранняя весна, начало марта, грязная слякотная погода. Савва Николаевич долго колесил по городу, пока водитель такси не подсказал, где улица Войнова. Оказалось, почти что рядом с той больницей, где работал Евгений. Савва Николаевич как-то еще давно, когда они поддерживали более-менее дружеские отношения, приезжал к Женьке, кажется, по случаю его сорокалетия. Тогда Евгений устроил большой банкет в солидном кафе, где непрерывно играла музыка, лихо плясали сотрудники всей больницы. К этому времени Евгений Ефимович стал начмедом больницы, а жена Елена, теперь Елена Марковна – главной медсестрой. Можно сказать, гуляли и веселились все: и начальство, и подчиненные. Тогда Савву Николаевича удивил не только размах мероприятия, а то, как вел себя сам именинник. Он был пьян и едва держался на ногах. Зато Елена Марковна исходила радостной истомой:

– Савва, видишь, как мы развернулись? Не то что в студенчестве. Помнишь Новый год в подвале? Картошка жаренная на шпике да бутылка шампанского на четверых... А тут, смотри, все есть: икра какая хочешь, черная, красная, или вот балыки рыбные. А мясные блюда – ешь – не хочу, все свежее, только что с мясокомбината. Женьку извини, Евгения Ефимовича уважают, вот и дают, только стоит ему заикнуться... Без проблем.

Она еще что-то говорила и говорила, в упоении от своей славы и могущества над этой отдельно взятой больницей и теми, кто зависел от доктора Вельяминова. «Да что же с нами происходит? – задал тогда сам себе вопрос Савва Николаевич. – Никак мы обезумели? Кому это нужно? Может, народ наш так изголодался, что готов все это есть в три горла?»

Ну хорошо, съел много, сегодня, завтра... а послезавтра, наверное, затошнит, даже от черной икры. Как ни странно, но народ по большей части живет сегодняшним днем. Будь что

будет, а сегодня ему хорошо, он пьян, сыт и нос в табаке. О завтрашнем дне мало кто задумывается. Как и о том, что будет с ними в ближайшей перспективе. Сильные и богатые думают, что такими они будут всегда. Особенно те, кому силу дала природа, а богатство досталось на халяву. Вот уж точно, эта категория людей самая циничная и беспардонная. Не хотим работать! Зачем? Мы – элита! Пуп земли. Мы все заслужили по праву наследства. И хоть с большим трудом, но этих людей Савва Николаевич мог как-то понять. Они с молоком матери всосали свою исключительность. Но вот другая категория людей-оборотней – совсем уж темное пятно на человеческом роду. Они сделали свое имя и достаток, иногда немыслимые и за короткий срок, путем обмана, шантажа и грабежа. Конечно, у них есть своя философия, кумиры вроде штатного пирата Британского флота Дрейка. Он со словами о благословении королевы Англии грабил и убивал всех подряд, получая от ее величества ордена и звание сэра. Так было всегда! Во все времена находились такие люди. Менялись лишь способы отъема денег, но суть оставалась прежней. Во благо кого-то и чего-то сделать пакость, а потом этим гордиться. А то, что народ пострадал от них, так это полная чушь. Страдания вообще удел подонков, не способных ни к чему. У них генетика такая – плакаться по любому поводу. Жалеть страдальцев – это значит не уважать себя, таков лозунг удачников жизни. Страдалцы не живут, а существуют. Вдобавок они ленивы, переживать лишение – их второе призвание. Они могут, как медведь в берлоге, лежать, лапу сосать, но встать и пойти заработать на хлеб насущный не хотят. Нет, не не могут, а не хотят! Это их философия. Мол, работа неинтересная, не тому учился, государство не использует мой талант, значит, не хочет обо мне заботиться. И ладно! Я не буду навязываться, умру, но не буду!

В какой-то степени эти категоричные и самоуверенные люди правы. Нельзя же все время надеяться на чудо или на государство. Но так устроен русский человек, что без чуда не может и дня прожить. Они все ждут. Вот завтра придет к власти тот, кто справедлив, и наведет порядок. Но справедливые, как и несправедливые, приходят и уходят. А те, которые всю жизнь ждут чего-то, остаются со своими ожиданиями, как старуха с чайником, у которой все отобрали, только чайник не забрали, потому что стоял с кипятком.

Защитников у обиженных всегда было много. Федор Достоевский больше других их любил и боготворил. Много жалостливых слез пролито им о страдающих и обиженных. Чего стоит несчастная Сонечка Мармеладова: желтый билет купила, семью кормит, больше некому, папа пьет, мама болеет. Она приносит себя в жертву. Трогательный образ – без слез нельзя читать. Жалко бедную Сонечку. Но ведь была же и другая работа в том самом грязном и страшном Петербурге. Хотя бы в торговле. Но торговать, оказывается, своим телом легче, чем товарами. Кстати, и в наше непростое, скотское время все повторяется. Сонечки не хотят работать посудомойками, санитарками, дворниками, рабочими на стройках. Не престижно. Мало платят. И вот уже ночная Москва заполнена сонечками мармеладовыми с желтыми билетами до отказа. И так по всей России-матушке.

Нет, Савва Николаевич не оправдывал ни власть, попустительствующую этому, ни тем более самих сонечек. Он просто был разочарован в таких людях. Их жизнь может служить хорошими сюжетами для рассказов, повестей, романов, но не более. Их, как и во времена Достоевского, обожествляют. В наше время всю эту многочисленную братию принято называть лузерами. Нашлись защитники и у современных страдальцев по жизни. Один роман с очень лаконичным названием «Санька» недавно довелось прочитать Савве Николаевичу. Писатель вполне, можно сказать, современник, Захар Прилепин – типичное явление русской литературы конца XX – начала XXI века. В меру патриотичен, в меру консервативен, в меру левацких убеждений, но больше походит на неоконсерватора, чем на неосоциалиста-народника. Вот его герой, Санька, и есть настоящий несостоявшийся человек в новой России. Он, как когда-то горьковский Павел Власов, хочет изменить мир, но не революционной борьбой, а отрицанием сегодняшней жизни, среды, где он обитает. Он хочет поменять свою жизнь, очень хочет, но

не знает как. Поэтому уповает на чудо и ничего по сути не делает. Он лишь протестует своим образом жизни и в конце концов прибил к христианству, как к единственной силе, способной его защитить и помочь. Если выразить все устремления Саньки, он уповает на русское Чудо. И таких Санек по всей России развелось превеликое множество. И никто не знает, что с ними делать...

Савва Николаевич вздохнул от нахлынувших мыслей и, найдя улицу Войнова и дом, где жил его друг Евгений, с нескрываемой тоской открыл дверь подъезда и поднялся по обшарпанной лестнице на второй этаж. Вот и квартира. Савва Николаевич нажал на кнопку звонка, прислушался. За толстой, обитой дерматином с ватой дверью никто не отвечал. Савва Николаевич еще раз позвонил. Наконец послышались шаги, дверь приоткрылась, и в щелку на Савву Николаевича взглянули испуганные глаза.

– Извините, я к Евгению. Моя фамилия Мартынов, я его друг. Мы давно не виделись, вот приехал навестить...

Дверь распахнулась, и на пороге оказалась совсем еще юная девушка с воспаленными и, как показалось Савве Николаевичу, заплаканными глазами.

– Проходите, папы нету. А когда придет – я не знаю.

Девушка потупила глаза.

– Вы, наверное, Настя, младшая дочь?

– Да.

Девушка кивнула головой.

– А вот вы меня не помните. Я вас еще совсем маленькой видел и даже на руках держал. Сколько же вам теперь?

– Двадцать один.

– Вот оно, времечко, пробежало, а словно вчера было.

Савва Николаевич хотел что-то еще сказать, как вдруг услышал позади себя чьи-то шаги.

– А вот и папа идет.

И девушка, охнув и махнув рукой, убежала назад в квартиру.

Савва Николаевич повернулся, и слова застряли в горле. Он хотел спросить: «Где же твой папа?» Но, увидев оборванного, в старом полушубке, в стоптанных не то сапогах, не то ботинках человека, на голове которого красовалось что-то напоминающее шапку, Савва Николаевич на несколько минут потерял ориентацию. Неужели этот человек с заросшей рыжей щетиной, опухшим лицом и есть его студенческий товарищ и друг Женька Вельяминов?

– Что, не узнал, Савва? – прохрипел человек, похожий на бомжа.

– Да нет, глаза, смотрю, твои, – нашелся что ответить Савва Николаевич. – Вот решил тебя навестить, а ты, оказывается, на прогулке. Дочь твоя младшая совсем взрослой стала, – хотел было перевести тему разговора Савва Николаевич.

– Не мудри, Савва. Я же тебя как облупленного знаю. Меня пришел спасать, жалеть, уговаривать: «Не пей, Женя, козленочком станешь». Что, не так? – задрал голову, чтобы посмотреть на Савву Николаевича, сипло прохрипел Женька. – А вот жалеть меня и уговаривать не надо, не нуждаюсь, – резко проговорил его друг.

– Да нет, я решил тебя навестить, просто так... Мне сказали, что ты болен...

– Кто сказал? Кто тебе это мог сказать? Всем давно наплевать на меня! Это когда я был большим начальником, всем было до меня дело, а сейчас я никто. Никто! Ровным счетом никто, тень того Женьки Вельяминова, которого ты хорошо знал, старик. Нет меня, я теперь как воздушный шарик, спустился тихо и повис на ниточке у грязного уголка. Бал окончен, мой поезд давно ушел, я вот задержался, но скоро, скоро деревянные часы отобьют и мой последний час. Я его так жду, если бы ты знал, старик!

И на небритом лице Женьки появились слезы. Он их не смахивал, а лишь делал глотательные движения, словно хотел их проглотить, но они катились вниз и капали на пол.

– Женья, ты, наверное, сильно устал. Тебе нужно отдохнуть! Давай поедem ко мне? Людмила Сергеевна уехала погостить к родственникам в Крым, мы с тобой вдвоем побудем, обсудим все неспешно, как раньше. Помнишь, как тогда, в студенчестве? Когда ели из одной сковородки жаренную на воде картошку...

Савва Николаевич подошел поближе, хотел взять Женьку под руку, но тот резко отвел ее в сторону.

– Нет, Савва, ты иди своей дорогой, а я пойду своей. Наши пути в этом мире больше не пересекутся. Прощу тебя как друга, не ходи за мной, мне и так тяжело, а тут еще ты. Прощай!..

Савва Николаевич хотел было что-то сказать, чтобы остановить Женьку, но так и не нашел слов, они словно рой кружились в голове: «Жеха... Да ты, да мы... Помнишь? Друг-товарищ... Вместе пили-ели... Как было трудно... Выжили, неужели сейчас?..» Но все эти слова так и не были сказаны Саввой Николаевичем и навечно остались в его памяти, как душевная боль, которая никогда не проходит.

А Женька обошел Савву Николаевича и, шагнув в открытый проем двери, защелкнул ее за собой.

Так и закончилась их, как оказалось, последняя встреча. Вскоре его студенческого друга, Женьки, Евгения Ефимовича Вельяминова, не стало. Он умер. Савва Николаевич на похоронах не был. Известие пришло слишком поздно. Похоронили его ранней весной, когда еще снег не сошел с полей, а ласковое солнышко только-только стало появляться в небесной синеве, возрождая новые жизни. И вот ушел в мир иной еще один товарищ по юности. Горько, обычно, ведь ему еще не исполнилось и пятидесяти лет. Пьянство мутной волной захлестнуло страну, его Россию, начиная с семидесятых годов, и уже не отпускало. Редко кто выдерживал этот мутный вал, обрушившийся на многострадальную страну. И чем было больше запретов, тем больше ширилось и процветало пьянство. Нужны были какие-то другие меры, чтобы остановить хаос пьянства, но какие? Никто не знал.

Мало кто уцелел в те страшные времена, когда пили везде и всюду, по поводу и без повода, просто по привычке. И чтобы хоть как-то оправдать это безумие, власть не нашла ничего более достойного, как объявить каждый выходной день каким-нибудь праздником. День металлурга, строителя, рыбака, работника химической промышленности... И не было им конца. Церковь тоже не стояла на месте. Что ни суббота или воскресенье – культовый праздник. День святого мученика, мученицы, Троица, Пасха, Петров день, Никола весенний, Никола осенний, Фрол, Спасов, аж три... Пей – не хочу!

Допились до того, что работать некому стало. И потянулись в Россию-матушку со всех окраин огромной страны молодые, непьющие ребята и девчата. Они и коровники строили, и дома, и на рынке места все заняли. Революция в обществе назрела сама по себе. Винаваты ли правители тех лет? Наверное. На то и поставлены, чтобы руководить, а не руками водить, как когда-то говорила мать Саввы Николаевича, обсуждая своего начальника. Да-а-а. Наступило лихое времечко, но народ его захотел сам. Никто не может заставить народ пить или не пить, нет такого властелина в мире. Как никто не может заставить любить или не любить власть. Но то, что она всем надоела, стало очевидным. И народ ринулся на улицы кричать во все горло: надоело! И началась перестройка.

Еще более ужасное время, чем застойно-застольные годы. Стремление разрушить до основания присуще русскому человеку. Слишком много накопилось гнева на власть, потому крушили все, веря в фальшивые лозунги новых демократов. Понимали, что врут, но верили, хотели верить. Старое так надоело! До одури, до тошноты, что любое новое необычное слово и лозунг воспринимались на ура. Разрушителям отдали за бесценок заводы, фабрики, нефть, газ, лес, землю. Какие-то проходимцы пообещали, что все теперь будут собственниками. У всех, мол, будет ваучер, на который они получают часть национального богатства. Все равны перед рынком! И этот очередной бредовый лозунг прошел в замутненном разуме России-матушки

так же, как когда-то лозунги большевиков: «Землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим!»

Никто, конечно, ничего не получил. Ни тогда, ни сейчас. Но эйфория обновления, охватившая страну, прокатилась от берегов Балтики до Тихого океана. Цена этой эйфории была огромной. По миллиону в год умерших от нищеты, пьянства, стресса, убитых в перестрелках бандитов и выбрасывающихся их окон собственных домов людей, потерявших вдруг все: кусок хлеба, квартиру, работу, веру в завтрашний день. Разруха в умах стала еще более страшной, чем экономическая разруха, хаос, охвативший их богатую и обильную страну. И только жирные коты да окаянные политики потирали лапы и руки от удовольствия. «Мы правим бал! А народ... Что о нем думать? Весь не вымрет! Останется столько, сколько нужно. Пусть все идет своим путем». И вот уже пьяный президент мочится на шасси самолета в Исландии под блики вспышек иностранных корреспондентов, тупо смотря на всех, не понимая, что им всем нужно.

Отрезвление медленно, но верно стало возвращаться в общество после прихода нового, молодого лидера страны. Но груз прошлого был так велик, что не скоро, ой не скоро страна оправится после тяжелой болезни. Похмелье стало затяжным и очень горьким. Но народ нашел в себе силы и стал, как всегда, шаг за шагом выпрямляя спину, идти вперед. Люди, те, у кого остались совесть и силы, стали работать. Они истосковались по настоящему делу, стали разбирать завалы прошлого и медленно, но верно возрождать страну. Это станет очередной победой русских, но уже над самими собой.

Эти нерадостные мысли посещали Савву Николаевича не первый раз. И каждый их приход он объяснял своими личными неудачами. Вот и нынешний повод: внук провалил зачеты, не допущен к экзаменам, а теперь отчислен за неуспеваемость... Никогда бы не подумал, что Дениска может не успевать. По лености прогулять – это да, проспать – тоже не исключено, но чтобы завалиться по многим предметам... Что-то с ним случилось неординарное, о чем он не знает. И Савва Николаевич решил поехать на встречу с внуком.

Глава 2. Откровения

После болезни Савва Николаевич редко стал ездить на дальние расстояния машиной – трясет, дороги такие, что не знаешь, доедешь до места назначения без приключений или нет. От дорожных происшествий не всегда даже супердорогая иномарка спасает. Часто случается, что навороченный джип, разогнавшись, попадает колесом в колдобину – и вот уже лежит верх тормашками на обочине, разбив еще несколько машин по пути. Ох уж эти русские дороги! Кто их только не критиковал, а вопрос с места никак не сдвигается. Правда, в последние годы какая-то надежда появилась: кое-что стали делать, но так медленно и некачественно, что словно ничего не изменилось... Да ладно с дорогами, когда-нибудь проложат новые и отремонтируют старые. А вот улучшить жизнь народа куда сложнее. Вроде бы все для этого в России есть: деньги, природные богатства, молодая команда правительства, энергичные современные менеджеры, а результат нулевой. Как струйки фонтана: льется, льется водичка, а воды по колено, даже искупаться толком невозможно. Так, брызнуть на лицо, помыть руки... Сложная эта штука под названием жизнь. Такие думы очередной раз посетили Савву Николаевича, когда он ехал к внуку в Питер.

После утомительной тряски на трассе они наконец медленно и плавно вплыли вместе с потоком машин в город.

– Как поедem, Савва Николаевич? – спросил шофер Володя.

– Как всегда, по кольцевой, там свернешь на Пискаревку и через Северный проспект к общежитию на Светлановский...

– Понятно!

Еще через час мучительно медленного передвижения по забитым машинами улицам они наконец-то подъехали к студенческому общежитию. В холле на Савву Николаевича пахло давно забытым запахом общаги. От названия места проживания студентов – кампус, как на Западе, или студенческий комплекс, как в России, ничего принципиально не меняется: общага она и есть общага, со своими стойкими запахами приготовляемой пищи, дешевой парфюмерии и разнообразных средств для чистки ботинок и сапожек. Вдохнув несколько раз неповторимый запах давно минувших лет, Савва Николаевич подошел к стойке дежурного, где выдавали ключи.

– Здравствуйте! – поздоровался он с миловидной женщиной неопределенного возраста.

– Здравствуйте, – ответила та, внимательно рассматривая статную фигуру человека в возрасте.

«Явно не из простых, – быстро определила дежурная и соответственно напряглась. – Может с деканата кто или, еще хуже – из Смольного? Взяли за моду депутаты городской Думы по общежитиям ходить. Будто других дел нету. Ходят, ходят... Чего ищут? Общежитие – оно и в Африке общежитие. Порядка, какого они хотят, никогда не будет».

– Мне нужно пройти в двести семьдесят третью комнату. – Савва Николаевич показал удостоверение, выданное ему администрацией N-ска, чтобы он мог беспрепятственно проходить через строгие милицейские кордоны в кабинеты высоких чиновников.

Дежурная долго изучала удостоверение, прикидывая в уме, зачем из чужой области к ним пожаловал этот представительный господин. Не следователь ли? Или, может, адвокат? Похоже, из этой породы. Вон как одет, и одеколон настоящий, французский, запах неслышимый, но такой приятный. Господи, с этими студентами отвыкнешь от настоящих мужчин».

– А Вы по какому делу? – возвратив, наконец, удостоверение, спросила она.

– По личному, – просто и убедительно ответил Савва Николаевич.

– Понятно. Там у нас двое проживают. Шестикурсник Сергей Орехов, и второкурсник Денис Мартынов. Вы к кому?

– К обоим!

– Ну что же, проходите, кажется, они оба на месте, ключей нет. Дениска-то мог с утра остаться, проспит – и не пойдет на занятия... – начала было объяснять дежурная, а потом вдруг замерла на полуслове. – Так погодите, а ваша же фамилия тоже Мартынов? Значит... Вы..?

– Я дед Дениса.

– Вот оно что. Дениска неплохой парень, но какой-то несобранный. Проспать может, с друзьями до полуночи проговорит и проспит. Мы их тут всех как облупленных знаем.

– Спасибо за информацию, – вежливо ответил Савва Николаевич. – Попробую сам разобраться. Куда идти?

– Направо по коридору, там лифт, десятый этаж.

Савва Николаевич кивнул и зашагал к лифту.

Старый, скрипящий, весь исписанный фломастерами лифт, кажется, через силу потащился на десятый этаж. Надо же, надписи, как во все века, одни и те же: «Н» любит «М», а «К» – дурак... Много надписей на иностранном, видны названия музыкальных групп, скабрезные выражения... Савва Николаевич невольно вспомнил свою недавнюю поездку в Тарту. Там он читал курс лекций для студентов-медиков. В знак признательности они показали ему свой университетский музей. И как же был удивлен Савва Николаевич, когда, поднимаясь сейчас в лифте, увидел примерно те же художества средневековых студентов. Но что особенно удивило Савву Николаевича, так это строгость в содержании и воспитании будущих властителей умов многих поколений от Канта до Чюрлёниса, когда ему показали жилье студентов. Это были толстостенные каменные комнаты-темницы с узкими оконцами, больше похожие на камеры питерских Крестов, чем на студенческое общежитие. И что уж совсем поразило Савву Николаевича, так это система наказаний – за нарушение студентов сажали в карцер на воду и хлеб. Однако ничего, выходили из тех стен нормальные, не обиженные ни на кого люди, прославившие науку, искусство, сделавшие политическую карьеру по всей Европе. «Строгость никогда не бывает лишней», – невольно отметил про себя Савва Николаевич.

Вот и десятый этаж. Выйдя, он осмотрелся: справа шел длинный коридор с комнатами для студентов, на одной из дверей Савва Николаевич рассмотрел номер двести семьдесят три. Он остановился, сделал паузу, решив собраться с мыслями. Потом прислушался, пытаясь уловить, что происходит за дверью. Но в коридоре и за дверью было тихо, словно в сталактитовой пещере. Савва Николаевич сделал глубокий выдох и постучался. Никакого ответа. Он постучал еще раз – опять ничего. После третьей попытки в комнате вроде бы послышались какие-то голоса, потом стук упавшего стула. Наконец шаркающие шаги, кого-то из жильцов, подошедшего к двери.

– Кто там? – узнал Савва Николаевич голос внука.

– Дениска, это я, твой дедушка.

За дверью возникла длинная пауза, потом голос внука:

– Деда, я не один, не могу открыть...

– А я не собираюсь тебя застукивать, с кем бы ты ни был. Открой, нужно поговорить...

– Но у меня... У меня... – замялся внук. – В общем, у меня подружка, ей будет неудобно...

– Хорошо, одевайтесь, я подожду. Тут в холле, кажется, есть диванчик, я там посижу, а вы как справитесь – пригласите.

– Ладно, деда, мы быстро, – ответил внук.

Савва Николаевич направился к холлу и присел на старый грязный диванчик. Вот оно как! Подружка! Тогда понятно, откуда ноги растут у Денискиных неприятностей. Тут ухо нужно остро держать, а если зазевался – то под каблуком окажешься. И Савва Николаевич снова вспомнил своего рано умершего друга Женьку Вельяминова. Его жена Катерина была властной и очень эгоистичной особой. По молодости за ее улыбки, веселым характером это

было незаметно. Но, завладев рукой и сердцем Женьки, она проявилась во всей своей силе женщины-вампа. Ни одного телодвижения Женька не мог сделать без ее ведома, чего бы это ни касалось: пойти с друзьями на рыбалку, в баню попариться, в конце концов, выпить за компанию пивка. Нет, все его контакты с друзьями отметались Катериной. А чтобы муж не чувствовал себя обделенным, покупала сама вино – эквивалент мужской дружбы.

– Давай выпьем вдвоем, зачем тебе друзья? До хорошего они не доведут, встречи с ними опасны, понимаешь, Женечка? – щебетала она мужу на ухо.

Женька сопротивлялся как мог. Иногда ругался и раза два даже чуть не поднял руку на жену. Но он... любил свою Катю и готов был простить ей все, даже ограничение собственной свободы. Потом, окончательно став рабом жены, он так и не осознавал этого. Как-то при встрече с Саввой Николаевичем высказал мысль:

– С друзьями хорошо, а у жены под боком лучше! Выпьем, закусим, никаких проблем... Ни о чем голова не болит: так сказал или не так...

И лишь тогда Савва понял, что потерял Женьку не только как друга, но и своеобразную личность, веселого, незаурядного человека. В институте Жеха, как звали его друзья, хорошо пел и часто выигрывал конкурсы. Допел друган! Вот она, диалектика семейной жизни: попал один из супругов под влияние другого – погибла личность. Нету вчерашнего спорщика, надежного товарища, готового за тебя вступить, как за самого себя...

Потом Савва Николаевич много раз пытался вырвать Женьку из липких лап женского обаяния и спаивания, но не удалось. По окончании института Савва Николаевич распределился в ту же область, что и Женька Вельяминов, но в соседний район. Они сперва встречались, но со временем Женька все реже и реже навещал Савву, а потом и Савва прекратил свои визиты к Вельяминовым. Ему не хотелось ставить в неловкое положение Женьку и себя. Приедешь, Катерина на тебя волком смотрит, Женька не знает, какие найти оправдания, чтобы отказаться от общения с другом.

– Знаешь, старик, сегодня гости должны подойти, – говорил он, не осознавая, что придумка его будет раскрыта без труда. – Вот готовлюсь, на стол закуску соображаю, картошечку сейчас почищу, сварю...

Он показывал на стоящую кастрюлю с картошкой:

– Картошечка со свежепросоленными огурчиками, да под горилку... Эхх! Не хочешь? А то давай проходи, раздевайся, по рюмочке до прихода гостей хлопнем, а там вместе и пузырек раздавим... У меня водка отличная припасена, в Питере доставал, «Столичная». Чувствуешь, какой будет пир?

Катерина зорко следит за их разговором, пока считая его безобидным, но стоило Савве Николаевичу отказаться и предложить другой вариант:

– А давай, Жеха, лучше на лыжи, смотри, погода-то какая, красота! Километров десять пробежимся, потом в баньку, ее только недавно отремонтировали, чудо, а не банька! Вот тогда можно и по рюмочке. А так с утра на водку что-то не тянет, ей-богу...

Тут уж вступала в дело Катерина:

– Савва, ну у тебя и причуды – лыжи, баня, потом по бабам. Знаю я тебя. Нет, Женя не пойдет. Гости у нас. Хочешь – оставайся, а Женю с собой не тани, не будет он на лыжах бегать, не мальчишка, доктор...

– Хорошо, хорошо. Я же только предложил. Не хочет – не надо. Дело, как говорится, хозяйское. Однако, Катя, а чего ты за него все решаешь? У него что, своего мнения нет?

Катерина вспыхивает, на ее лице появляется нездоровый румянец, предвещающий скандал.

– У нас семья, и мы решаем все вопросы вместе. Тебе этого не понять, Савва.

– Где уж нам до таких тонкостей дойти, – съязвил Савва. – Ладно, Жеха, пока. Извини, что потревожил.

Женька, заикаясь больше, чем обычно:

– П-п-погоди! П-п-посиди!

– Нет, Жеха, пойду, пойду, лыжи надо достать, то да се. Ну пока... – И он подал руку для прощания.

После того случая Савва Николаевич практически перестал приезжать к другу. Так, встретятся где-нибудь на областной конференции и только поприветствуют друг друга, скажут обязательные слова:

– Как дела?

– Хорошо!

– Как дети?

– Отлично.

– И у меня все о'кей.

На этом и разойдутся. А потом Женьку перевели в другую область, и они перестали встречаться совсем... Да, да, да...

Как бы внук не повторил ошибку студенческого друга, вот что сейчас беспокоило Савву Николаевича. Девушка! Ну что же, надо разбираться, что к чему, как далеко зашли их отношения. И вообще, что это за девушка вдруг у него оказалась?

Савва Николаевич услышал, как хлопнула рядом соседская дверь, из комнаты вышли, обнявшись, парень с девушкой. Он внутренне улыбнулся. Жизнь не остановить, она идет по своему расписанию, как поезда на его полустанке в детстве.

Савва Николаевич не услышал, как к нему подошел внук. У Дениски было еще заспанное, но умытое лицо, слегка приглаженные волосы, одет в черную жеваную рубашку и такие же темные брюки.

– Привет, деда!

Они обнялись.

– Ты чего приехал? – спросил внук настороженно.

– Пойдем в комнату, там все и объясню.

Савва Николаевич медленно поднялся с дивана.

– Как у тебя здоровье? – видя, что дед поморщился при вставании, спросил Дениска.

– Да относительно неплохо. Починили, подлечили, так что жить можно, – как можно бодрее ответил Савва Николаевич.

– Деда, у меня в комнате беспорядок, ты не удивляйся... Не успел прибраться, думал, сегодня, да вот не успел... проспал... – стал оправдываться Дениска, забегаая по коридору впереди деда, хватаясь за ручку двери. – Ты только не ругайся, ладно? – снова попросил он деда.

Савва Николаевич ничего не ответил. Толкнув дверь рукой, он оказался в студенческой комнатке, размером даже меньше, чем больничная палата, в которой ему довелось лечиться совсем недавно. Две смятые койки по бокам, рядом у изголовья – тумбочки, у входа вешалки, а в центре между вешалками и кроватями – стол со следами вечерней пирушки. Два стула стояли в промежутке между кроватями. На одном из них сидела миловидная девушка и поправляла прическу. Несколько шпилек она держала во рту, а руками ловко вкалывала очередную, приподняв локон густых русых волос. Красивые зеленовато-болотные глаза посмотрели на вошедшего седовласого мужчину настороженно и с любопытством. «Даже не стесняется», – подумал Савва Николаевич.

– Знакомьтесь. Деда, это моя девушка, зовут Ксения.

Девушка кивнула головой и продолжала сидеть на стуле, только вытащила шпильки из рта и что-то тихо прошептала: не то «здравствуйте», не то «спасибо» за деликатность, проявленную Саввой Николаевичем, когда он утром застукал ее с внуком...

– Проходи, деда, садись – Денис подставил стул.

Савва Николаевич медленно опустился, продолжая разглядывать комнату.

– Здесь, значит, и живешь? – спросил он Дениску.

– А где же, деда. Снимать квартиру накладно, да и денег таких нет. А тут хоть можно ночь скоротать, а днем дела, – начал философствовать Дениска.

– погоди, погоди о делах, – прервал дед. – Об этом чуть позже.

Дениска прикусил губу.

– Ну хорошо, попозже, так попозже. Деда, я на занятия опаздываю. – Внук выразительно посмотрел на часы.

– Уже опоздал, – отозвался Савва Николаевич. – Раньше вставать нужно было. Кто рано встает, тому все дается, – напомнил внуку Савва Николаевич народную мудрость.

– Дениска, я, пожалуй, пойду, – сказала девушка. – Мне тоже на занятия нужно. Она поднялась со стула.

– А можно попросить вас задержаться? – неожиданно предложил девушке Савва Николаевич.

Та взглянула на Дениску, потом, похлопав длинными ресницами и посмотрев в глаза Савве Николаевичу, решительно ответила:

– Ну если только ненадолго.

– Да нет, не больше пяти минут, – уточнил Савва Николаевич.

Девушка кивнула и снова села на стул.

– И ты садись, Денис – Савва Николаевич показал на кровать. – Какая твоя?

Дениска сел слева от Саввы Николаевича в ожидании чего-то очень важного для себя и своей подружки. И он не ошибся.

Савва Николаевич начал издали:

– Я тоже был когда-то молод, и у меня тоже была девушка. Мы встречались, ходили в кино, целовались в сквере института, вместе штудировали учебники в библиотеке. Но каждый ночевал в своей комнате.

– Деда, не надо, а? – запротестовал было Дениска.

– Да нет, почему же, интересно послушать, что было тогда, – заметила спокойно Ксения.

– Но не это главное, – кивнул Савва Николаевич. – А то, что мы отлично учились!

Удар был нанесен в под дых. Дениска скис, у него даже опустились плечи. Но на девушку эти слова, кажется, не произвели никакого впечатления.

– Ну и что? – сделала она удивленное лицо. – Все зависит от способностей. И вновь открыто, без страха посмотрела Савве Николаевичу в глаза.

«Да она, кажется, из той породы девиц, о которых на нашем полустанке бытовала не очень этичная, но точная присказка: «С...ы в глаза, а она: “Божья роса!” Ее моралью не прошибешь», – подумал Савва Николаевич.

– Конечно, Ксения, многое зависит от способностей, – согласился он. – Но еще больше – от желания и трудолюбия.

– Ладно, деда, не надо нам лекцию читать, – взъярился вдруг Дениска.

– Ты сядь, сядь, не суетись.

Савва Николаевич, взяв его за рукав, усадил на место.

«Вот, не было печали – черти накачали, – подумал в ту минуту Дениска. – И принесло же деда так некстати. Нужно что-то предпринять».

А Савва Николаевич, словно прочитав мысли внука, продолжал:

– Я понимаю, что вы оба взрослые, а мое вторжение нарушает ваши планы. Прошу извинить... Но мне позвонили из ректората и сказали, что ты, Денис, отчислен из института.

Денис снова вспыхнул, взмахнул рукой и хотел что-то сказать, но дед решительно его осадил:

– Помолчи! Потом скажешь. Так вот. У меня к вам обоим вопрос: кто виноват? Ответите, и я вас больше не держу ни секунды.

Наступила тишина. Денис переглянулся с девушкой, та опустила голову.

– Только правду, – попросил Савва Николаевич.

Ксения подняла глаза, скользнула ими по Дениске, лицу Саввы Николаевича, а потом решительно встала.

– Я все же пойду, а вы поговорите на эту тему без меня. – И она шагнула вперед.

Савва Николаевич потеснился, давая девушке пройти. Та легко накинула серую куртку, висевшую на вешалке, и небрежно помахала рукой.

– До свидания! Пока, Дениска!

Она развернулась, толкнула дверь рукой, покачивая крутыми бедрами в обтягивающих джинсах, решительно вышла в коридор, не оглянувшись.

– Понятно. – Савва Николаевич вздохнул. – Значит, вся ответственность на тебе? Я правильно понял твою подружку?

– Ну да, а чья же? – насупленно пробурчал Дениска. – Так получилось, деда. Мы с ней познакомились осенью. Она нормальная, мне с ней хорошо. Ты понимаешь?

– Я думаю, что ей с тобой еще лучше, – ответил Савва Николаевич.

– Да почему ты так говоришь? Ты же всего не знаешь, – обиженно пробормотал Денис, встав с кровати и отойдя к окну. – Ты ничего, деда, ничего не знаешь. – В его голосе появились слезливые нотки.

– Брось, Денис, брось! А то у меня не было в молодости твоих проблем! Все было! Но терять голову из-за юбки...

– Да не юбка она, не юбка! Я... я... я люблю ее! – прошептал в ответ Денис и отвернулся к окну. Его слезы закапали на подоконник.

Савва Николаевич ничего не ответил. Он замолчал, давая понять, что не осуждает внука, а лишь хочет помочь. Какое-то время оба не проронили ни слова. Потом Савва Николаевич, сделав над собой усилие, начал первым.

– Давай начистоту. Ты пропустил столько занятий... Из-за чего? Объясни, я постараюсь понять.

– Что тут понимать? Вечером иногда с Ксенией в кино ходим, в кафе посидим, потом провожу – уже полночь. Ну а утром вскочишь, бегом, бегом и все равно опоздаешь минут на пять, а преподаватель на занятия не пускает: иди, отрабатывай. Им только это и надо. За отработку деньги берут: чем больше отработок – тем больше доход.

– Как так? – не поверил Савва Николаевич.

– А ты что, разве не знаешь об этом, деда? Да все давно перешли на «коммерческие отношения». Без денег хоть какой умный-разумный, а не сдашь отработку... Про контрольные и тестовые задания я вообще молчу. Там без денег даже не о чем говорить.

– Ну а сколько берут? – не удержался от вопроса Савва Николаевич.

– У всех своя такса. На каждой кафедре свой порядок. Кто двести рублей за отработку, кто и четыреста, а за контрольную не меньше штуки.

– Ладно, с этим я постараюсь разобраться, – решительно сказал Савва Николаевич. – Сегодня же схожу к ректору.

– Ты что, деда! Что им ректор? Они его недавно хотели прокатить на выборах, весь институт об этом знает. Едва удержался. Заведующие кафедрами сказали, что если послабления не даст, прокатят... Нет, он вмешиваться не будет, только мне навредишь.

– Да ты стратег, Дениска! Но не забывай, что перевыборы кончились, и пять лет – его власть. Так что пригрозит кому надо, у меня сомнений нет.

– Деда, от этого мне только хуже будет. Они все злопамятные, ты даже не представляешь. Чуть что: ты помнишь, Мартынов, на лекции разговаривал, меня не слушал? Или еще хуже: ты, мол, хоть и Мартынов, но не твой знаменитый дед.

– Ладно тебе, Дениска, не могут так преподаватели, мне что-то не верится.

– Сейчас, не могут. Еще как могут! Не один меня нашей фамилией и тобой попрекнул, мол, набрали блатников, теперь мучаемся...

Дениска снова отвернулся к окну...

– Единственное, что я успел сделать, это взять справку о том, что болел... У меня на самом деле после простуды начались приступы удушья, аллергия на что-то. Даже ночью спать не мог.

– А что же ты мне ни разу не позвонил? – заволновался Савва Николаевич. – С этим не шутят.

– Я ходил к нашему врачу в студенческую поликлинику, он мне и подсказал, что можно взять академку при таком заболевании. В общем, вот у меня официальная справка о болезни, сегодня пойду в деканат оформлять академку. Такие вот дела, деда.

– Это, конечно, меняет ситуацию, – ответил Савва Николаевич.

Он даже не смог сперва уловить смысл сказанного. Внук серьезно болеет, пропускает занятия, а он, специалист, профессор, не знает об этом ровным счетом ничего. «Занимаюсь чужими проблемами, а в своих не в курсе! Вот ведь как!» – подумал он.

– Ладно, пойдем вместе. Я хочу помочь тебе, за этим и приехал.

– Нет, деда, не надо. Я сам! Не маленький. Хватит меня опекать. Вот помоги деньгами, если можешь, – это другое дело. Долгов набралось, не знаю, как выкрутиться.

– А за что долги? – не понял Савва Николаевич.

– Да за все платим. Тут не N-ск, а Питер. Шаг ступил – плати. Такси раза два или три вызывал, вот уже пара тысяч набегает. Потом таблетки покупал, а они дорогие. Ну и еще по мелочи: то сок купить, что-нибудь поесть хочется такого: когда болеешь, ничего не хочется обычного, надоело. Вот и ищешь что-нибудь вкусненькое. Хорошо, Ксюша ходила в магазин, пока у нее деньги были... Отдавать надо. Если у тебя нет, то я сам, когда начну работать, отдам.

Савва Николаевич достал из бумажника три купюры по пять тысяч и протянул внуку.

– Долги отдай, а остальное употреби на текущие нужды.

– Спасибо, деда.

– Ну хорошо, а дальше что? Получишь академический отпуск, что делать будешь? – поинтересовался Савва Николаевич.

– Работать!

– И где же, если не секрет?

– Не знаю пока. Зовут в один ресторан, там солист нужен. Говорят, до десяти тысяч за неделю можно заколотить.

– Это ты серьезно? – удивился Савва Николаевич.

– А что такого, деда? Сейчас другое время. Вагоны никто уже не разгружает, как ты когда-то. Для этого гастарбайтеры есть. Студенты теперь интеллектом зарабатывают.

– То-то я смотрю, вы все при деньгах.

– Ладно тебе, деда, у меня сейчас черная полоса, но кончится она когда-нибудь, – зашмыгал носом Дениска.

– Кончится, кончится, если постараться. – Савва Николаевич встал со стула. – Вот что я думаю. В ресторанах Мартыновы не прислуживали, запомни это! Так что ни в какие певцы ты не пойдешь. А работу ищи поближе к медицине. Если хочешь снова учиться. Ни один человек еще не стал врачом из певцов. Вот певцов, писателей, поэтов из бывших врачей – хоть пруд пруди, а не наоборот. Решай сам, но моего опыта жизненного послушай. Ты посмотри по стопонам, что творится! Секс, наркотики, порнуха даже, увы, среди студентов, будущих гуманитариев. И ты хочешь, чтобы в кабаке приличные люди были?!

– Дед, это не кабак, а хороший ресторан. Руководитель музыкальной группы меня уже прослушал, дал добро. Через неделю собеседование с директором, условия оговаривать будем.

– Послушай меня, Денис. Да хоть какие условия будут, идти туда не надо. Пропадешь! И не таких, как ты, ломала богемная жизнь. А если пойдешь – вспомнишь мои слова. Близок локоть будет, да не укусишь, не забывай об этом.

– Ладно, я еще окончательно не решил. Может, хватит об этом, деда? Давай сходим поедем, а то со вчерашнего вечера не ел, сосет в желудке.

– Н-да... Забыл золотое правило студенчества, ты уж прости, Дениска.

Савва Николаевич вспомнил свою голодную студенческую молодость, когда есть хотелось всегда.

– Пошли, пошли, заговорил я тебя, это правда.

Он встал и, пропустив перед собой Дениску, вышел с ним из комнаты.

– Где будем перекусывать? – спросил по дороге Савва Николаевич.

– У нас тут недалеко кафе, неплохо готовят. Уже двенадцать, открыто... Пошли туда...

– Доедем, со мной машина.

– Нет, деда, прогуляемся по свежему воздуху, это в двух шагах от общаги, на Светлановском, за углом общаги.

И правда, через пять минут они оказались в тихом уютном кафе с соответствующим названием «Тихая гавань».

– Не понял, где же здесь вода? – пошутил Савва Николаевич.

– А здесь списанные на берег матросы гуляют, – откликнулся Дениска. – И еще мы, студенты.

– А-а-а, тогда другое дело.

Накормив внука и наскоро перекусив сам, Савва Николаевич стал размышлять вслух, сидя за столом:

– Слушай, Денис, может, поедем со мной в наш город? Я помогу перевестись, будешь в нашем институте учиться, точнее, в университете. Диплом солидный. Университету пятнадцать лет, в рейтинге российских вузов занял не последнее место, так что не глухая провинция. И еще: я недавно был в Тарту, читал лекции эстонским студентам, городок маленький, а студентов около сорока тысяч, учиться в местный университет едут со всего света. Реклама за четыреста лет наработана такая, что некоторым столичным вузам в Европе фору даст. Мы пока не можем аналогичной судьбой похвастаться, но город наш не последний в России-матушке, иностранных студентов хоть отбавляй, едут и едут. Все хотят у нас учиться.

– А где их нет, деда? У нас одна треть – арабы и африканцы. Они сейчас везде. Говорят, образование в России самое дешевое в мире, и авторитет советских вузов пока жив... Слышал, по телику показывали, недавно одному нашему ученому-физику, старцу под девяносто, Нобеля дали за открытие, сделанное им аж в пятидесятые годы. Тогда засекреченность была, только теперь об ученом узнали...

– Но это скорее исключение, чем правило, – как-то тоскливо откликнулся на эту новость Савва Николаевич.

– Почему?

– Разогнали ученых, науку стали прикрывать. Видишь ли, денег у государства на науку нет. На яхты, загородные резиденции и гульбища в Куршавеле деньги есть, а вот на науку не находят...

– Не будем, деда, о грустном, и так невесело.

– Верно, Дениска, согласен. Что уж об одном и том же. Ты сыт? – перестроился Савва Николаевич.

– Ты спрашиваешь! Давно не ел столько за один раз. Не знаю, куда в меня все влезло...

Дениска похлопал себя по животу.

– Значит, теперь давай о деле. Твой план действий? – перевел разговор Савва Николаевич в нужное русло.

– План один: получить академку, во-вторых, найти работу, в третьих – остаться в общении.

– С третьим, я думаю, поможет ректор, я с ним все же встречусь, переговорю. – Савва Николаевич сделал глоток горячего кофе из небольшой фарфоровой чашечки.

– Нет, нет и нет. Деда, я сам буду решать свои проблемы. Мне уже девятнадцать, я не маленький...

– Как скажешь, сможешь сам – решай.

Савва Николаевич отпил несколько глотков все еще горячего кофе.

– А вот что ты родителям скажешь? – Савва Николаевич вновь перевел тему разговора, посмотрев на Дениску.

Тот пожал плечами.

– Пока не знаю. Устроюсь на работу, тогда обо всем расскажу.

– Тебе виднее, – ответил уклончиво Савва Николаевич.

– А родители знают о твоей поездке ко мне? – насторожился внук.

– Нет, я же часто езжу по делам в Питер, так что эта поездка не из ряда вон выходящая, обычная. О том, что буду встречаться с тобой, я не разговаривал ни с кем. Решил сперва сам разобраться, поговорить с тобой, а потом уж информировать родителей. Хотя мать твоя что-то, видно, чувствует, волнуется, все спрашивает меня о тебе постоянно: позвони, узнай... Я в ответ говорю, звонил, все в порядке, но материнское сердце не обманешь... Ну да ладно. Сам так сам: расскажешь, когда решишь, я не буду. Только позвони домой, успокой, чтобы не волновались. А то мне непривычно врать, не то что некоторым, – вздохнул Савва Николаевич.

– Хорошо, деда, позвоню сегодня же.

– Тогда договорились, Денис. Мне пора, нужно в Онкологический центр на Песочную заехать, проконсультировать снимки одного больного. – Савва Николаевич посмотрел на часы. – На два договаривались, но при таких пробках только-только поспеть бы.

– Спасибо, деда, за деньги, обед... У меня, может, не так выходит, как бы тебе хотелось, – тут Дениска замялся. – Но так получается, извини.

– Ладно, ладно, цыплят по осени считают...

И Савва Николаевич подал руку Денису.

– Пока. Звони, если что. И помни о нашем разговоре...

Денис согласно кивнул.

– Понял, деда.

– Тебя довезти, если по пути со мной? – спросил Савва Николаевич Дениску на выходе из кафе.

– Нет, я доберусь сам...

Они обнялись и расстались.

Возвращался Савва Николаевич уже поздно вечером. Его путь лежал через Невский проспект. Он сперва хотел объехать проспект по набережной с выходом на Московский, а затем прямо на трассу в Н-ск, но в последнюю минуту распорядился:

– Езжай, Володя, по Невскому. Давно там не был, хоть посмотрю, как он сейчас.

– Нет проблем, шеф. По Невскому так по Невскому.

Шофер повернул с Дворцовой площади на Невский. Сидя в машине, едва ползущей по забитому транспортным потоком проспекту, Савва Николаевич удивился вслух:

– Надо же, раньше он казался мне таким широким. А тут улочка, а не проспект.

Володя ничего не ответил. Он нервно следил за движениями едущих впритык автомашин.

Ничего не осталось от его студенческого Невского, разве что знакомые названия: Гостиный Двор, Аничков мост, памятник Екатерине II. Часть кинотеатров переименовали или закрыли совсем. Да и сам Невский превратился в обычную для Запада городскую автомагистраль.

страль с потоком машин, иллюминацией от всевозможных вывесок и реклам, бьющих в глаза так, что их хотелось закрыть.

Вот она, стремительность жизни, яркий пример. За предыдущие двести девяносто лет Невский проспект не так изменился, как за последние двадцать. Будучи студентом, Савва мог пройти по его широким тротуарам в потоке радостных, смеющихся людей, спокойно перейти на другую сторону в любом месте, не опасаясь попасть под машину. Иногда поздним утром, когда он возвращался с дежурства на «скорой» и медленно брел по сонному, еще не оправившемуся после суетной ночи Невскому, ему казалось, что вот-вот из подворотни выйдет Акакий Акакиевич Башмачников или «нос» майора Ковалева – героев гоголевских произведений, спешащих кто куда. Но вместо них из подъездов появлялись обычные граждане в костюмах и платьях, озабоченно глядящие на часы: не опоздать бы. Реже попадались подзагулявшие парочки да немногочисленные бичи, промышляющие, на что бы похмелиться. А сейчас и не понять, что за народ идет волна за волной, и все похожи друг на друга: в джинсах, куртках, на ногах кроссовки.

– Володя, останови вон у того здания. – Савва Николаевич показал на ярко освещенное пятиэтажное здание с навесом над подъездом.

– У гостиницы «Невский палас»?

– Да, около нее.

– Там нам не припарковаться, безнадежно, вон и знак висит, Савва Николаевич.

– А ты не обращай внимания на знаки, мы на служебной машине. Где нам надо – там и паркуемся. Не забывай, Володя.

– У них тут свои порядки, – забубнил шофер. – Не успеешь остановиться, как штраф выписывают.

– Ладно, ладно, не бубни. Вставай, не волнуйся, штраф я заплачу, если подойдут.

– Как скажете... Мне что..!

И Володя подрулил почти к подъезду, возле которого висел знак «Только для служебных машин». Машина еще не успела остановиться, как тут же подбежал охранник.

– Здесь нельзя! Видите знак?

Володя развел руками, мол, вон к шефу претензии. Савва Николаевич медленно вышел из машины, полез в карман пиджака, достал из портмоне удостоверение и показал охраннику. Тот долго его изучал.

– А по какому делу вы сюда, господин Мартынов?

– По личному, по личному! Я когда-то жил, и не раз, в этой гостинице. Раньше она называлась скромно и просто «Балтийская»; вот, решил вспомнить былое. Похожу, посмотрю, и мы отъедем.

– Ну разве на двадцать минут, не больше. Сейчас делегация иностранных гостей подъедет, машин с десятков, все места будут заняты.

– Хорошо, хорошо, – согласился Савва Николаевич. – Володя, ты сходи в пиццерию, она рядом. Перекуси, чтобы потом не останавливаться, а я быстренько пройду, посмотрю сувениры, и мы отъезжаем через 20 минут.

Савва Николаевич вошел внутрь. В распахнувшиеся автоматические двери.

Решительно ничего от бывшей гостиницы не осталось. Огромный тоннель, сделанный в цокольном этаже, начинался прямо от выхода из метро. Длинные ряды всевозможных сувенирных лавочек, бутиков, цветочных ларечков и яркий, ослепительный неоновый свет... Он делал людей неестественными, какими-то инопланетянами, с зеленовато-желтыми лицами, и уже молодую проститутку с ярким макияжем было трудно отличить от богатеньких старух. Лысоватые пухлые мужчины, толкущиеся около прилавков магазинчиков, совсем походили на лунатиков. Вот она, иллюзия человеческого счастья. Все равны в этом специально созданном мире: и проститутки, и богатые тети и дяди. «Сальвадор Дали был прав, – подумал Савва

Николаевич. – Наверное, поэтому и стал писать свои картины, насмотревшись на электрическую жизнь Елисейских полей. Но Петербург не Париж, он должен иметь свое лицо, он всегда его имел. А теперь стремительно его теряет. Поди отличи, где ты находишься – на Невском, на Пикадилли в Лондоне или на Монмартре в Париже... Все похоже, и даже люди стали одинаковыми».

От этих мыслей Савве Николаевичу стало еще грустней, чем утром, когда он ехал к внуку. «Все в мире меняется, и не всегда к лучшему», – сделал он горький вывод.

Купив пару безделушек в качестве подарка для жены, он вернулся к стоянке. Машина была на месте, но шофера еще не было. «Пусть поест, для него главное в жизни – меньше ухабов и хорошая еда», – улыбнулся про себя Савва Николаевич. И стал наблюдать за людьми, потоком скользящими туда-сюда, как океанские течения: Гольфстрим – в одну сторону, Мальстрим в другую. Яркий свет выхватывал их озабоченные лица: мрачные и обросшие щетиной, выходцев с Кавказа, которых оказалось так много, что Савва Николаевич даже удивился, мелькали круглые лица улыбчивых таджиков, узбеков, корейцев, китайцев и вьетнамцев. Очень-очень мало можно было разглядеть голубоглазых блондинистых или русоватых соплеменников. Вымирает, вымирает Россия, здесь на Невском это чувствуется, как нигде. И Савва Николаевич опять тяжело вздохнул.

«Золотой миллиард в действии», – вспомнил он лозунг нынешних глобалистов, который попался ему на глаза во время выборов в Госдуму. «Господи, Господи, что жизнь делает с людьми? Еще вчера здесь шли демонстрации рабочих и студентов под красными флагами в Первомай или в ноябрьские, а теперь вот увеселительные заведения под красными и желтыми фонарями». – И Савва Николаевич от нахлынувших чувств прослезился.

– Давно ждете, Савва Николаевич? – спросил появившийся, как джинн из бутылки, Володька, шофер.

– Да нет, минуты две-три. Стою, смотрю, молодость вспоминаю...

– А-а, очереди везде, а цены, Николаич, зашибись. Дал стольник, показываю на бутерброд с сосиской, а буфетчица мне и говорит с усмешкой: «Он стоит сто пятьдесят». Я говорю: «Не может быть!» Она в ответ: «Будете брать или нет?» Пришлось взять. А чай – еще пятьдесят рэ, виданное ли дело?

– Видано, видано, Володя. Невский! Этим все сказано.

Через десять минут они уже вырулили на Лиговский проспект и взяли курс на N-ск. Слава Богу, внутреннее перекрестился Савва Николаевич, упав от усталости на заднее кресло.

– Поехали и без остановок до дома...

Глава 3. Неделя потрясений

Савва Николаевич попал в этот южный город и гостиницу на берегу моря, можно сказать, случайно. Ректор попросил съездить на важное совещание за него: мол, ему никак, а вы, Савва Николаевич, будете там кстати, да и отдых на недельку вам не помешает. Рядом море, горы... В приморском городе уже стояла весенняя погода с солнышком, веселым чириканьем воробьев и пронзительными криками чаек, однако по вечерам и ночью было еще очень прохладно, с моря несло сырым, влажным воздухом.

Савва Николаевич попытался раза два сходить на море искупаться, но вода была холодной, как в деревенском колодце, и он решил не рисковать. Совещание проходило по утрам, до обеда, а дальше или экскурсии, или свободное время, каждый проводил его, как считал нужным.

Савва Николаевич, съездив один раз в окрестности, посмотреть горы больше не захотел: утомительно, да и потом, он уже много раз видел подобное, поэтому здешние достопримечательности не вызывали у него интереса. Тогда он переключился на завершение одной своей научной статьи. Писалось на свежем воздухе легко, работа быстро продвигалась. И вот надо же, к концу командировки в соседний номер вселились какие-то люди. Днем они уходили, но к вечеру возвращались и начинали шуметь. Савва Николаевич старался не обращать на это внимания: отдыхают люди, имеют право...

Но сегодня ночью звуки гремящей кровати и какие-то крики разбудили Савву Николаевича. Черт знает что такое! Савва Николаевич невольно стал прислушиваться к шуму и голосам, доносившимся из соседнего номера. Мужской грубый голос, нещадно матерившийся, и женский, визгливо требующий чего-то своего, заставили Савву Николаевича окончательно проснуться. Что творят! Ну неужели не совестно? Савва Николаевич взял подушку, положил на голову, натянул одеяло поверх, решив не обращать внимания на соседей, попытался снова заснуть. «Вот ведь незадача какая, – подумалось ему. – «Так тихо и хорошо было, а тут надо же, парочку сумасшедших подселили... Утром подойду к администратору, пусть что-нибудь придумывает. Если такое представление каждую ночь будет, то можно и с ума сойти...»

– Ну ты, ты, сука, когда, когда кончишь..? Надоело тебя трахать, – рокотал мужской голос за стеной.

Поняв, что ему вряд ли удастся уснуть, Савва Николаевич снял с головы подушку и решил постучать в стену, напомнить соседям, что они в гостинице не одни. К его удивлению, шум за стеной прекратился. «Ну слава Богу, одумались или устали». Савва Николаевич уже повернулся было на бок, как вдруг совсем рядом за стеной что-то грохнуло об пол, и сдавленный женский голос прохрипел:

– Помогите, убивают...

Савва Николаевич подскочил на кровати: да что же это такое? Надо что-то делать! Женщина на какое-то время замолчала, слышался непонятный шум, вроде бы как борьба, но без ругани и криков. Не понял, что же там происходит? Савва Николаевич стал вновь прислушиваться, однако за стеной вдруг включили телевизор, и за его шумом он перестал что-либо различать. «Не случилось бы беды», – подумал Савва Николаевич и решил спуститься вниз, позвать дежурного портье.

Одевшись в спортивный костюм, Савва Николаевич вышел из номера и пошел по коридору к лестнице, чтобы спуститься в холл гостиницы. Внезапно дверь соседнего номера с шумом и треском раскрылась, и на полу у его ног оказалась раздетая догола молодая женщина. Дверь тут же захлопнулась.

Савва Николаевич сперва оторопел, потом подошел, снял куртку со своих плеч и подал женщине.

– Возьмите мою куртку, оденьтесь...

Девушка с заплаканным и перемазанным макияжем лицом, всхлипывая, поднялась и надела предложенную Саввой Николаевичем куртку.

– Вам куда? Может, к дежурному портю или в милицию обратиться? – предложил Савва Николаевич.

Женщина замотала головой:

– Можно я пройду к вам?

– Ко мне?

Она кивнула:

– Вы не бойтесь, я немного приду в себя, а потом уйду.

– Хорошо, я вот здесь живу, рядом, ваш сосед...

Савва Николаевич показал на свою дверь. Женщина понимающе посмотрела на него.

– А-а-а, тогда ясно. Это мы вас разбудили? – Она виновато опустила голову.

– Да вы проходите, проходите, не стоит об этом.

Савва Николаевич открыл дверь ключом и пропустил женщину вперед.

– Проходите, располагайтесь. Я только приберу кровать. Все как-то неожиданно получилось.

Савва Николаевич накинул покрывало на разбросанное постельное белье.

– Садитесь сюда, в кресло. Сейчас чай согрею, но у меня и кофе есть, печенье. Советую попить чайку, и вам станет легче...

Савва Николаевич направился в ванную комнату, чтобы налить воду в электрочайник, но когда вернулся, то увидел, что женщина, закутавшись в покрывало, сидит в кресле, уставившись на огромную луну, вылупившую свои глаза в окно и занимавшую, казалось, полнеба.

– Красиво! – Женщина слегка улыбнулась.

– Да, особенно когда свет потушить...

– Нет-нет, свет не надо тушить, я боюсь темноты... – Женщина вскрикнула и вскочила с кресла.

Савва Николаевич успокоил:

– Да нет, вы не так поняли, это я образно, а не то, чтобы выключить свет совсем...

Но женщина испуганно смотрела на Савву Николаевича огромными, как луна на небе, глазами, в которых он увидел не испуг даже, а какой-то животный страх.

– Сейчас чай будем пить. – И Савва Николаевич выключил электрокипятильник. – Садитесь ближе к столику. Вот вам чашка. – Савва Николаевич пододвинул чашку с блюдцем на самый край столика.

Но женщина не захотела ни чаю, ни кофе, ни вставать с кресла, словно вросла в него.

– Может, вам что-нибудь покрепче выпить? У меня коньяк есть, – снова вступил в диалог Савва Николаевич.

Женщина несколько секунд размышляла, а потом произнесла охрипшим голосом:

– Давайте...

Савва Николаевич разлил коньяк по бокалам и подал один женщине. Та взяла. Савва Николаевич заметил, как сильно тряслись у нее руки. Но, сделав над собой усилие, женщина протянула бокал, предлагая чокнуться.

– За ваше благополучие, – произнес короткий тост Савва Николаевич и отпил пару глотков терпкого выдержанного коньяка.

Женщина, напротив, осушила бокал одним махом, зажмурив глаза... Когда она их открыла, Савва Николаевич увидел в них появившиеся искорки жизни.

– Можно закурить? – также с хрипотцой произнесла она.

– Конечно, какие вопросы?

– Тогда дайте, пожалуйста, сигарету.

– Вы знаете, я не курю, хотя, один момент, у меня, кажется, какие-то есть...

Савва Николаевич полез в свой кожаный чемодан, порылся в нем и вытащил пачку тонких и длинных сигарет.

– Мои коллеги из Америки еще на прошлой конференции презентовали, так и валяются в чемодане... Я не курильщик, и дома курящих нет.

Савва Николаевич протянул сигареты женщине. Она взяла и посмотрела на этикетку.

– Настоящие, кубинские! Надо же, никогда не пробовала...

Она достала из пачки сигарету, больше напоминающую тонкую сигару, но обрезки кончика, как это принято при использовании настоящих сигар, не требовалось, и понюхала:

– Даа... настоящий табак.

Савва Николаевич вновь пошарил в чемодане и достал зажигалку.

– Все свое ношу с собой, – попытался он пошутить.

Но женщина, кажется, уже не обращала на него никакого внимания. Щелкнув пару раз зажигалкой, она эффектно прикурила, словно всю жизнь только и делала, что курила кубинские сигареты. Выпустив колечками дым, женщина тряхнула головой:

– Спасибо, я ожила.

После недолгого молчания она наконец заговорила.

– Меня зовут Златой. Мать русская, отец болгарин. Поженились они, когда были студентами: оба учились в Одессе на инженеров водного транспорта... Потом их дороги разошлись: он уехал к себе в Варну, а мама к родителям в этот городок. Вышла второй раз замуж, но не очень удачно. Я воспитывалась у бабушки. Закончила школу, поступила в пединститут на иняз, а тут эта самая перестройка нагрязнула, начался хаос. В общем, кто куда разбежался. Институт закрылся, а я еле успела перевестись в Ростов, там получала диплом преподавателя романских языков. Работы никакой. С трудом устроилась переводчицей в одну фирму – совместное российско-турецкое предприятие. Турция поставляла паленые запчасти к телевизорам, видекам, компьютерам; наши работяги собирали из них изделия, наклеивали лейблы известных фирм, подделывали лицензию и торговали как импортными товарами. Дело шло успешно, и фирма вскоре стала одной из самых заметных в городе. Потом, как обычно в то время, на нас наехали братки, все отобрали и нас за порог... Меня оставили: языки знала. В город нагрянули французы, решили настоящей компьютерной техникой торговать. Дело новое и, оказалось, очень доходное. Я помогала юристам с переводами, заключать договоры, сочиняла рекламу. В общем, неплохо зарабатывала, на ноги встала... Квартиру, хоть и однокомнатную, купила, приделась, машину приобрела... Ну все, думаю, сейчас крылья расправлю и полечу.

Злата на какое-то время замолчала, сделала несколько затяжек подряд. Потом поднялась, подошла к окну и стала смотреть в темное южное небо, словно там было что-то такое, что могло ей подсказать: рассказывать дальше или нет. Но как бывает в жизни: достанут человека обстоятельства настолько, что он больше не может терпеть и готов выговориться первому встречному. Лишь бы тот выслушал, не перебивая. Савва Николаевич тихо сидел в кресле, стараясь не спугнуть волшебницу-птицу по имени доверие. Так легко его потерять одним неловким словом, движением глаз – все улетит безвозвратно...

Злата не поворачивалась, стоя все так же у окна, она продолжила свою исповедь.

– Все было неплохо. Но в меня влюбился местный авторитет по кличке Эдька Меченый. У него на левой щеке большое родимое пятно чернильного цвета, отсюда и прозвище. Парень не дурак, красивый, но злой и беспредельщик. Убить мог запросто любого, ни за что. Я сперва пряталась от него, как могла. Но он через своих дружков передал: не будешь моей – убью!

Опять наступила томительная пауза. Откуда-то издали сквозь оконное стекло просочился едва слышный гудок парохода. И снова тихая южная ночь сомкнула свои губы, как моллюск.

– Что мне оставалось делать? Бежать? Куда? Кто меня ждал? Послала телеграмму отцу, мол, хочу к тебе приехать, нет ли какой работы? Он не захотел даже отвечать. Одним словом, стала я жить с Эдиком. Меня он не обижал, но сильно ревновал... Раз два избил, неделю дома валялась, пока на лице синяки зажили. И тут мне встретился один парень...

Девушка подошла к столу, взяла вторую сигарету из пачки, жадно прикурила от остатка первой, кинув его в чашку, стоящую на столике...

Савва Николаевич по-прежнему молчал, зная, что в таком состоянии лучше не трогать человека, дать ему исповедаться полностью.

– Я полюбила этого парня по-настоящему. Виталик был художником, талантливым художником... У него прошли две выставки, картины раскупали моментально, многие увозили за границу. Деньги у Виталика водились, человек он был не жадный и очень доверчивый. Наверное, как и все не от мира сего люди. В мастерской кого только не было – друзья-товарищи, депутаты, мэр города, и даже сам губернатор заказы делал... Приезжали из Москвы и Питера... Жизнь кипела. Я как могла скрывала свои чувства, но Эдку Меченого провести не удалось. Узнал, избил и, чтобы не сбежала, закрыл в квартире под охраной. Так я прожила у него в наложницах с полгода. Общаться не с кем. Разрешал раз два матери позвонить, чтобы в милицию на розыск не подавала. И выхода у меня не было никакого. Сперва я пыталась плакать, устраивала истерики, билась головой о стены. Он, молча смотрел и говорил: «Пройдет и эта дурь». Потом решила свести счеты с жизнью, думала отравиться. Чем? Собрала, какие были в доме, таблетки и все выпила. Очнулась в реанимации. Смотрю, серый потолок и люди в белых халатах и масках. Думаю, наверное в раю. А тут один ангел и говорит: «Очнулась. Будет жить». Так вот и не удалось в рай попасть. Правда, после этого случая Эдик Меченый меня оставил. Не захотел с милицией из-за меня конфликтовать. Да и я никакая была, едва могла ходить. В собственную квартиру на третий этаж поднималась с остановкой на каждой ступеньке.

Злата отошла от окна и села на диванчик, опять несколько раз затынулась.

– Ну а дальше все просто. Денег нет, работы нет. Пошла к Виталику. Он и говорит: «Не бери в голову, золотко, сейчас тебе укольчик сделаю, и все пройдет, все заживет и все будет хорошо». Я сначала не поняла, а когда сообразила, было поздно. Села на наркотики. Сначала промедол, морфий, потом героин. Одно меня спасло – передозировка у Виталика случилась. Он умер, а я со страху наркоту бросила... Вот переключилась на кофе, крепкие напитки и сигареты, они меня и спасают...

Злата наконец-то загасила сигарету, расслабилась, слегка откинувшись на спинку диванчика.

– А с этим, – она кивнула на стену номера, – сошлись с полгода назад. Он артист-эстрадник, напьется после спектакля, начинает репетировать со мной. – Она грустно усмехнулась. – Раз два пробовала от него уйти, а куда? Что я умею? Лопотать на трех иностранных языках и все, кому сейчас это требуется. Жить-то на что-то нужно. У него неплохой доход. Сейчас зимний сезон, самый трудный в году, заканчивается, но концерты каждый день, а то и по два. Деньги дает, не жалеет. Но если переберет – всю ночь покоя нет. То секс ему подавай, то еще что... – Злата отвернулась в сторону. – Извращенец, как все артисты. А сегодня на него что-то такое нашло, схватил и начал меня душить. Причем молча. Он сильный, мне даже не закричать: зажал рот, а второй рукой душит и... насилует. Хорошо, что вы вмешались, застучали в стену, а не то бы в живых не осталась...

Савва Николаевич встал с кресла, подошел к трясущейся от страшных воспоминаний женщине и, положив руку на ее плечо, твердо сказал:

– Не бойтесь, со мной он вас не обидит. А сейчас давайте ложитесь на диван, у меня второй комплект постельного белья в шкафу имеется, постелю, и вы отдохнете... Утро вечера мудренее...

Измученная страхом и оргией со своим партнером, Злата моментально уснула, а Савва Николаевич еще долго сидел в кресле, не зная, что предпринять. «В милицию обратиться? Тогда по закону Злата должна написать заявление, а без этого никто ничего делать не будет. Дать ей денег? Пусть уедет. А куда? К отцу в Болгарию? Нужен паспорт заграничный. Есть ли у нее – опять вопрос. Взять под свою опеку, поговорить с этим самым артистом? Хорошо, выход. Но захочет ли тот с ним разговаривать. Нужен веский аргумент. Какой?»

Савва Николаевич стал размышлять в поисках решения, и, как всегда, память увела его в прошлое, где он часто искал ответы на возникшие трудности. Где-то что-то подобное всегда случается у человека, прожившего определенный срок, или, на худой конец, случается у кого-то из его знакомых. У Саввы Николаевича выпала из памяти старая история с его другом-однокурсником Валеркой Маркасовым. Валерка родился где-то под Ташкентом, родители – русские интеллигенты: отец – инженер-мелиоратор, а мать – учитель литературы. Судьба забросила их на окраину бывшего Союза поднимать промышленность и заодно культуру братского народа. Родители укоренились на благодатной Узбекской земле, построили свой дом, нарожали детей, среди которых был и Валерка – самый младший и долгожданный мальчик. Учился Валерка хорошо, с золотой медалью окончил школу и поступил в мединститут, что называется, по призванию души. Редкое совпадение. Учился он легко, без напряжения, сессии сдавал почти всегда на отлично, в свободное время посещал кино, театры. Единственным слабым местом в биографии Валерки была страсть к картам. Играть Валерка начал с младших курсов, увлекся и играл до окончания института. Нет, он не был ни неудачником в картах, ни везунчиком. Просто он был прирожденным игроком. Игра для него была неким миром, философским миром общения людей. Нигде не раскрываются так полно, до самой своей сути, до душевного дна люди, как в игре. Игра завораживает, а игроки становятся как дети: откровенными в своих поступках и высказываниях.

Да, игра! Мало кто из тех, кто попал под ее влияние, остается цел и невредим. Таковы уж законы любого страстного увлечения. Валерка оказался редким исключением. Проиграв несколько стипендий вперед, он затем понемногу отыгрывался и на какое-то время прекращал свои визиты к игрокам. Так и жил. На третьем курсе Валерка, неожиданно для всех и для самого себя, влюбился. Избранницей его оказалась медсестра из отделения нейрохирургии, красавица Дина Кайдунате, белокурая литовка с темно-вишневыми глазами, стройной, изящной фигурой. Когда она стремительной походкой летела по дорожкам института, ею любовался каждый, кто в это время мог увидеть ее. Лань, серна... Какими только эпитетами не награждали студенты, делая комплименты на каждом шагу, но она была ко всем равнодушна. Молча выслушивала и летела по жизни дальше. Куда? Этот вопрос задавал себе и Валерка Маркасов, когда в первый раз увидел эту грациозную девушку. Любопытство толкнуло его к ней. Они познакомились, и, как это бывает у совершенно разных по внешнему виду и положению, но очень схожих по духу людей, между ними возникло дружеское расположение, переросшее в любовь.

Валерка какое-то время сопротивлялся нарождавшемуся чувству, пытаясь найти в их взаимоотношениях несогласованность мировоззрения или какие-либо разночтения смысла жизни... Но нет, Дина радостно принимала самые несуразные высказывания своего нового друга. Не беспокоило ее и увлечение Валерки картами. Время от времени они встречались, говорили, спорили и целовались. Но, как всегда в жизни, не бывает радости без горя. Валерка случайно узнал, что Дина наркоманка со стажем и на работу в нейрохирургию пошла лишь для того, чтобы легче было доставать наркотики. Он был потрясен. Несколько дней ходил сам не свой. Как, такая красивая, умная, свободная и от чего-то вдруг зависит? Не находя вразумительного ответа, он пытался прояснить ситуацию у сведущих людей. Первым делом Валерка навестил клинику для душевнобольных на набережной реки Пряжки, а там имелось отделение для лечения наркоманов. Его визит к заведующему отделением, уже немолодому еврею

с очень запоминающимися фамилией и именем, Абрамсону Якову Израилевичу, не стал для последнего неожиданностью.

– Вы студент? – спросил заведующий Валерия, узнав о цели его прихода.

– Да, я на медицинском, третий курс.

– А ваша девушка работает или учится?

– Она работает медсестрой. Но это не важно – начал было Валерий.

– Нет, молодой человек, очень важно. Можно сказать – принципиально важно.

– Что важно? – не понял Валерка. – Что медсестра или что не учится в институте?

– Оба обстоятельства, – ответил уклончиво мудрый врач. – Видите ли, справиться с наркоманией пока невозможно. Конечно, снять физические страдания не проблема, а вот полностью исключить психологический фактор рецидива заболевания невозможно. Может, когда-нибудь наука и лично вы сможете это сделать, но мы – увы и ах! – Доктор развел руками. – Не смогли этого сделать.

– Что же вы мне посоветуете? – спросил Валерка.

– Трудно, очень трудно советовать. Как коллеге, вернее, будущему коллеге, могу только посочувствовать. Вы будете искренне удивляться моим словам, но правда в том, что настоящих наркоманов ничто не остановит – ни любовь, ни дети, ни родители... У них одна страсть, как они ее называют – «кайф». У этих людей нет будущего. Что бы кто ни говорил, ни писал о победе над наркозависимостью – ложь: севший на иглу наркоман безнадежен... Рано или поздно либо сам себя убьет, либо его убьют. Альтернативы никакой.

Валерий сидел в тесном кабинетике заведующего, больше похожем на тюремную камеру из-за зарешеченных окон и толстых стен, сквозь которые не проникал шум проходящей рядом улицы большого города. И если бы не белый халат на докторе да молоточек и камертон в верхнем его кармане, то впечатление сложилось бы такое, – ты находишься в заточении.

– Спасибо за консультацию, – поблагодарил Валерий доктора Абрамсона. – Но вдруг потребуется ваша помощь, могу я рассчитывать на вас? – задал свой последний и самый трудный вопрос Валерий.

– Конечно, конечно. Какие могут быть сомнения... Чем смогу, всегда буду рад помочь, – откланялся доктор. – Вот возьмите. – И он протянул кусочек картонки. – Там мои координаты: адрес, телефон...

«Визитка», – догадался Валерка, раньше ни разу не выдавший этих самых визиток, только слышал, что такие есть.

Миновав огромные коридоры клиники, больше похожей на казематы царских времен, в которых навсегда прописался запах кислых щей, пригоревшего маргарина и перловой каши, Валерка вышел оттуда никакой.

Их любовь с Диной, так стремительно возникшая, будоражила Валерку. Он искал выход из создавшейся ситуации. Но произошло самое неприятное – исчезла сама Дина. Они даже не успели ни о чем толком договориться и решить что-то о своем будущем, как она пропала. Стоял конец ноября, в городе было холодно и неудобно. Снег еще не выпал, и пронзительный ветер с Балтики принес в город морской влажный воздух, усиливая у людей чувство холода и промозглости. В тот день Дина дежурила, вечером она пораньше отпросилась с работы.

Многие видели Дину, как она стремительной походкой пролетела из корпуса клиники до проходной. Там ее ждало такси. Двое молодых людей вышли из машины, галантно посадили Дину на заднее сиденье, и «Волга» стремительно унеслась, растворившись в городском потоке машин. Сторож на вахте описывал эту сцену раз десять: сперва начальству института, потом милиции, потом родным и близким Дины и, наконец, самому Валерке с Саввой... Поиски пропавшей медсестры ничего не дали.

Нашли труп Дины весной, в Пушкинском парке; закиданный листвой и засыпанный снегом, он пролежал там почти до конца апреля. При уборке парка, во время субботника, студенты

сельхозакадемии наткнулись на него случайно. Для опознания были приглашены сотрудники нейрохирургического отделения во главе с заведующим, Николаем Николаевичем Пальковым, и старшей операционной сестрой Нонной Петровной. Те без колебаний показали: да, это Дина. На удивление всем, ее лицо почти не пострадало от длительного пребывания под листьями и снегом.

Хоронили Дину всем институтом. И хоть ректорат официально не объявлял о похоронах: всего лишь медсестра, пусть и очень красивая девушка, но студенты, считавшие Дину лицом их меда, почти все как один пришли на прощание. Грустное зрелище... Сколько бываешь на таких мероприятиях, каждый раз ощущаешь себя смертным, видя гроб, лежащего в нем человека, близких и друзей, убитых горем. Вдвойне тяжело, если хоронят молодую красивую девушку, так и не успевшую по-настоящему полюбить и хоть чуточку пожить для себя...

– Судьба так несправедлива, – воскликнет кто-то.

– Нет, каждому свое! – ответит другой.

– У Бога все на учете, и ни один волосок не упадет с головы без промысла Божьего! – ответит третий.

И каждый будет по-своему прав.

Эта трагедия, случившаяся на заре их молодости, и для самого Саввы Николаевича, и его друга Валерки стала настоящим испытанием на мужество. Они вынесли это испытание честно и бескомпромиссно. Савва Николаевич на всю жизнь сделал зарубку для себя, если есть хоть один шанс – нужно спасать человека, бороться за него...

Валерка после трагедии долго не мог прийти в себя: забросил игру в карты, стал угрюмым, неразговорчивым и куда-то надолго отлучался из общаги. Куда – никто не знал. Приходил он тихим, умиротворенным, ни в какие споры не вмешивался, а спокойно лежал на кровати поверх одеяла и думал о чем-то своем. Мы понимали его состояние и старались не трогать...

Потом, много лет спустя, Савва Николаевич узнает правду о гибели Дины. Произойдет это совершенно случайно, ее расскажет бывший заключенный, прооперированный им через тридцать лет после трагедии. И та давнишняя история из юности всколыхнула тогда Савву Николаевича до основания... Но об этом чуть позже... А что делать сейчас? Савва Николаевич сидел в кресле и перебирал в памяти события из жизни, когда наркотики сгубили близкого ему человека.

Так, в раздумьях, Савва Николаевич провел какое-то время, стараясь не нарушать наступившего затишья. Девушка докурила еще одну сигарету, потом отошла от окна, села на кровать.

– Можно, я чуть полежу, голова что-то закружилась...

Савва Николаевич хотел встать, чтобы помочь девушке, но она жалостливо посмотрела на пожилого человека. Видимо, ей совсем стало неловко за себя, и она попросила:

– Вы сидите, сидите... я сама прилягу.

Савва Николаевич понимающе кивнул, развернул кресло к окну, не вставая взял в руки книгу, лежавшую на тумбочке, и стал читать...

Под утро Савва Николаевич задремал, откинувшись на спинку кресла, но его разбудил хлопок двери. Савва Николаевич открыл глаза и прежде всего посмотрел на диван. Там никого не было. Лишь лежала его курточка и скомканное покрывало.

«Ушла! Но куда? Ведь голая!» – Савва Николаевич, сделав усилие, встал с кресла. «Далеко не уйдет...» Он вышел в коридор – пусто. Только пальма, стоящая у окна, показалась ему человеком. Савва Николаевич напряг зрение – нет, обман. Значит, ушла снова к артисту-соседу, больше не к кому. И он, тяжело вздохнув, побрел к себе обратно в номер отсыпаться.

– Грехи наши тяжкие, – произнес он на ходу, не зная, хорошо или плохо, что все так закончилось...

Глава 4. Дурь

Лежа в постели, Савва Николаевич не мог отделаться от мыслей о Злате. Вот, пожалуйста, типично женский поступок: никакой логики. Савва Николаевич какое-то время тихо лежал, отгоняя от себя неприятные размышления, но они снова и снова всплывали в мозгу. «И чего я так сильно растревожился? – не понимал сам себя Савва Николаевич. – Наверное, из-за Валеркиной подружки Дины. Да-а-а, точно из-за нее». В его усталой голове все завертелось, закружилось, как картинки в анимационном мультике. Савва Николаевич какое-то время пытался понять, что к чему, а потом неожиданно заснул. Во сне как бы сам по себе возник образ Дины, будто и не было несколько десятков лет расставания.

Они случайно столкнулись в студенческой столовой. Он, высокий худющий блондин с голубыми внимательными глазами, и она, тоже блондинка с роскошной стрижкой «каре», с томным взглядом, от которого у мужчин мурашки бегали по коже.

– Здравствуй, – сказал Савва и невольно протянул руку.

– Привет, – ответила с улыбкой девушка. – Меня зовут Дина, – и подала свою теплую ладонь.

– А меня Савва.

– Значит, это о тебе Валерий говорил?

– И я тебя знаю, мне он о тебе тоже рассказывал...

Они замялись, не зная, что еще сказать друг другу.

– Вставай впереди меня. – Савва показал на свободное место в очереди.

Дина улыбнулась и, изящно выгнув спинку, так, что грудь слегка коснулась плеча Саввы, прошла за узкую стойку, отгораживающую раздачу от зала столовой. Студенты, стоящие в длинной очереди, промолчали, хотя обычно не принято среди студенческой братии кого бы то ни было пропускать впереди себя. Так может выстроиться целая группа. Но тут другое дело. Очень уж красивая и эффектная была эта девушка – Дина.

– Что будете брать? – не поднимая головы от кастрюль, спросила полная розовощекая раздатчица Серафима Поликарповна.

Именно так, а не иначе, она просила себя называть. Этим пользовались шустрые и хитрые студенты, особенно когда были на мели.

– Серафима Поликарповна, – вежливо говорил кто-нибудь из них, делая как можно более серьезное лицо. – Что посоветуете взять: плов за шестнадцать копеек или котлету за двенадцать копеек? Есть хочется, а денег, сами понимаете...

Серафима Поликарповна все происходящее принимала за чистую монету. Она молча брала тарелку и накладывала с горкой плова, да так, чтобы непременно попались кусочки мяса и со дна, где рис потеплее, а масла побольше. Такой тарелкой можно было троих накормить, но Серафима Поликарповна на вежливом и голодном студенте не экономила...

Дина взяла бифштекс с яйцом, жареным картофелем, фирменное блюдо в столовой. Такую роскошь могли позволить себе только состоятельные студенты или преподаватели из числа аспирантов и ординаторов. Шутка ли сказать, порция тянула на тридцать шесть копеек, столько же, как целых три котлеты. Кроме всего, Дина взяла кусочек бисквитного торта и стакан чая с лимоном. Чай в студенческой столовой стоил три копейки, а с лимоном десять и всегда был хорошо заварен. Серафима Поликарповна старалась не экономить на студентах, она еще девчонкой испытала голод блокадного Ленинграда, жалела их: студенты должны питаться хорошо, а горячий чай с хорошей заваркой и сахаром – основа здорового питания, считала она. Лимон же был для нее роскошью. Она так и говорила:

– А что лимон? Кислота одна, приятная, но кислота... Не завари чай, пожалей заварки, а кинь туда лимон, и что? Пить не будете, – вещала она товаркам по смене. – Лимон кладут, у кого потребности в кислом есть. Я заметила: беременные и те, кто много курит...

– А почему так? – спрашивал кто-нибудь из них.

– Ну беременные понятно, их на солененькое и кислое тянет. А вот кто курит – не понимаю. – Серафима Поликарповна мотала головой. – Может, чтобы зубы не чернели, кислотой налет отмывают... Вот чего не знаю, врать не буду. Только точно заметила: если курит женщина, всегда чай с лимоном заказывает. Хотя и десять копеек, дорого, а заказывает.

– Дина, садись вон за тот столик у окна, там Женька Вельяминов мне место держит. – И Савва показал в сторону своего приятеля, который уже поел и терпеливо дожидался друга, сохраняя ему место...

В обеденное время с местами была напряженка. Савва, чтобы не ударить в грязь лицом перед девушкой, взял себе тоже бифштекс, булочку, только чай без лимона: денег не хватило. И так почти на полтинник набрал.

За столиком они разговорились. Оказалось, что Дине уже двадцать пять. Она училась на врача, но вынуждена была уйти. Срочно нужны были деньги: мама у нее серьезно заболела.

– Нашли онкологию, прооперировали. Лечение хоть и бесплатное, но хорошие лекарства просто так не достать, только по блату... А раз блат, значит, плати. Денег у матери таких не было. С моим отцом она разошлась еще в молодости... Я его даже не помню... Пошла к декану, тот пожалел меня, оформил медсестрой в отделение нейрохирургии. Там доплата за вредность, да и вообще на хирургии платят побольше. Вот так я оказалась медсестрой... Учебу, конечно, пришлось забросить: дежурства через ночь, не до учебы.

Дина допила свой чай.

– Теперь ты обо мне все знаешь, Савва, из первых уст.

– Дина, а что с мамой?

Дина как-то отрешенно посмотрела на Савву.

– Она умерла год назад... Метастазы пошли во все органы, не удалось остановить...

– Извини, я не хотел... – начал было оправдываться Савва.

– Да нет, что ты, Савва, все как в жизни... Близкие, к сожалению, уходят, не спросив нас...

Они замолчали на какое-то время, думая каждый о своем. Но студенчество тем и хорошо, что о грустном не дают долго думать друзья или приятели. Студенчество, как единый неделимый организм, живет по своим законам: оно помогает, но оно и отторгает все ненужное, плохое и наносное... Слава студенчеству!

После той встречи Савве никогда больше не довелось поговорить с этой красивой и умной девушкой, а увидел ее в последний раз уже в гробу. И надо же было так случиться, что через много-много лет Савва узнал о ней почти все...

К Савве Николаевичу, уже известному к тому времени торакальному хирургу, привезли по «скорой» умирающего от легочного кровотечения худого, изможденного мужчину. По документам он числился Панкратовым Сергеем Константиновичем, сорока семи лет от роду. Диагноз: «фиброзно-кавернозный туберкулез». В графе «профессия» стоял прочерк. Да собственно никаких письменных подтверждений его профессии опытному доктору Мартынову и не нужно было. Достаточно посмотреть на татуировки пациента: свободного места на коже почти не осталось. А главная – бубновый туз в витиеватой рамочке – располагалась на левом плече, верный признак, что он не просто бывший зэк, а серьезный пахан из уголовной элиты.

Так оно и оказалось. После тяжелой операции по удалению всего правого легкого, которую искусно провел Савва Николаевич, Панкратов три дня провел в реанимации. Медсестры уже и не надеялись, что он встанет, но, к удивлению всех, пациент ожил и пошел на поправку. Раза два или три его навещали друзья: хорошо одетые в импортные костюмы молодые люди.

Однако наколки на руках выдавали в них эковскую братию. Удивительно, но вел себя бывший заключенный исключительно тихо. Никто не слышал от него плохого слова и уж тем более – мата, что для русского эка вещь весьма нехарактерная. Одним словом, через полтора месяца больной Панкратов поднялся с койки и стал ходить с помощью медсестры.

Как-то ближе к вечеру в дверь кабинета Саввы Николаевича постучались.

– Войдите, – коротко сказал Савва Николаевич, склонившийся над историями болезней.

Вот работа врача! Мало того что соперировать больного надо, жизнь спасти, так и еще потом в подробностях все записать: что да как. «Не для себя. Для прокурора», – учил когда-то его, еще молодого хирурга, более опытный доктор Шмелев Лев Александрович, царство ему небесное.

Хлопнула дверь. Савва Николаевич поднял голову, и удивлению его не было предела. Перед ним стоял больной Панкратов, без медсестры, костылей, один, стоял и держал в руках пакет.

– Можно?

– Проходите, садитесь вот сюда. – И Савва Николаевич показал на стул около стены, напротив него.

Панкратов сел.

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, Сергей Константинович.

У Саввы Николаевича было правило – всех своих больных он называл по имени-отчеству и обязательно на «вы». Во-первых, показать всем окружающим и самим пациентам, что они для него равны; а во-вторых, это знак уважения и доверия. Ну а в-третьих, между ним и пациентом всегда есть дистанция, которую не следует нарушать. Никакого панибратства. Вот, если конкретно сформулировать, принципы врачебной этики доктора Мартынова.

– Уже на ногах? Я рад, что пошли, но рановато, рановато, Сергей Константинович, – первым начал разговор Савва Николаевич.

– Лежать долго – пролежни получишь, – попытался отшутиться пациент.

Они оба улыбнулись.

– И то верно.

Савва Николаевич любил эти неожиданные экспромтные знакомства и общение с людьми, когда ты не зашорен на заранее предусмотренную протоколом беседу, и, следовательно, всегда есть возможность импровизации... В таких разговорах человек становится искренним, открывает себя, иногда столь широко, что удивляешься собеседнику. Надо бы поменьше, может, и прекратить рассказ о себе, но человека уже понес поток откровенности, и пока он не выговорится – останавливать бесполезно. В таких разговорах доктор Мартынов старался быть до конца открытым, не прятаться за известной формулировкой: «Больной должен знать о своей болезни столько, сколько нужно, вернее, то, что хочет доктор». Савва Николаевич относил себя к сторонникам школы древних эскулапов: хороший врач должен привлечь на свою сторону больного, вдвоем легче побеждать болезнь. Поэтому Савва Николаевич не скрывал от пациента правду о заболевании, но делал так, чтобы она не навредила, а настраивала на лечение. Уныние, пессимизм – самые плохие помощники врачу, считал доктор Мартынов.

– Вот пришел к вам, Савва Николаевич, чтобы поблагодарить за то, что вы не отказались меня оперировать. Результат вы видите сами – я на ногах...

– Это моя работа, – коротко ответил Савва Николаевич.

– Э-э-э, нет, – усмехнулся больной. – Работают многие, Савва Николаевич, а вы исцеляете. Вы – талант. Другой сколько ни работает, а результат нулевой. В общем, вот...

Панкратов достал из пакета бутылку дорогого марочного коньяка, поставил на стол.

– Это вам от меня в знак благодарности.

– Но я же не беру подношений, – ответил Савва Николаевич.

- А это не подношение, это коньяк. Его пьют и закусывают лимоном или шоколадом. Тут Панкратов, пошарив в пакете, достал плитку шоколада и лимон.
- Можно начинать, – пошутил Савва Николаевич.
- Если есть стаканы, – оценив юмор, в тон ему ответил пациент.
- Отчего же, найдутся.

Савва Николаевич, не вставая, открыл дверцу стоящего рядом шкафчика и достал две мензурки.

- Можно из них, они стерильные. Наливайте, а я пока скальпелем лимон порежу.

Там же, в шкафчике, нашлась чашка Петри. Савва Николаевич положил в нее лимон, который ловкими и выверенными движениями хирурга разрезал на тончайшие ломтики.

- Да вы, Савва Николаевич, специалист не только в хирургии, – удивился Панкратов.
- Жизнь всему научит, – усмехнувшись, ответил доктор Мартынов.
- Верно!

Разлив ароматный коньяк по мензуркам, Панкратов коротко произнес:

- За ваши золотые руки!
- За моих учителей! – в тон ответил Савва Николаевич.

Они чокнулись, улыбнулись друг другу, как старые знакомые, и дружно выпили. Савва Николаевич взял тонкий ломтик лимона и с удовольствием отправил его в рот, наслаждаясь контрастом вкусов выдержанного коньяка и лимона. Приятное тепло медленно разливалось по всему телу.

– Лепота! – произнес он коротко, давая понять, что коньяк очень хороший, а ему очень приятно это импровизированное застолье.

Панкратов развернул обертку шоколадной плитки, с трудом отломил кусочек твердого, как уголь, шоколада и положил его на язык.

- Вы, смотрю, лимон любите?
- Со студенчества. Одна моя знакомая всегда пила чай с лимоном. Я сперва не понимал, зачем, а потом распробовал, оказалось, это так вкусно. С тех пор пристрастился к лимонам.
- И у меня была знакомая, она тоже любила лимоны. Ее звали Дина. Красивая была женщина!

- Извините, Сергей Константинович, Дина, вы сказали?
- Да, Дина. А что вас смутило?

«Не может быть. Хотя парность случаев в теории вероятностей рядовое явление», – пронеслось в мозгу Саввы Николаевича.

– Дело в том, что мою знакомую, которая очень любила чай с лимоном, тоже звали Диной, – ответил Савва Николаевич, как-то странно улыбаясь при этом. – Вот я и подумал о совпадении... Надо же, как вышло!

- Постойте, постойте, доктор! Вы же учились в питерском меде?
- Да, ну и что?
- А в каком году? – не отвечая на вопрос доктора Мартынова, продолжал допытываться Панкратов.

– С шестьдесят шестого по семьдесят второй.

– Так-так... А как фамилия вашей знакомой Дины? Вы не вспомните?

– Нет. Но, кажется, какая-то прибалтийская: не то Каустайтис, не то Канданакис... – не совсем уверенно ответил Савва Николаевич.

- Может, Кайдунате? – с каким-то внутренним напряжением спросил Панкратов.
- Верно, Кайдунате! Из Литвы.
- Вот оно что... – удивленно протянул посетитель, а потом неожиданно предложил: – Может, еще по одной? Как у нас, русских, принято говорить: «На одной ноге не ходят»?

– Верно, верно. А еще есть присказка, ее любил повторять мой хороший знакомый: что самое долгое ожидание – это ожидание между первой и второй рюмкой.

Они снова чокнулись и выпили. Савва Николаевич только часть мензурки: он все же при исполнении. Гость же лихо опрокинул свою и опять отломил кусочек шоколада.

– Неужели такой жесткий? – спросил Савва Николаевич, видя, с каким трудом ломается плитка.

– Это шоколад особый, настоящий, для летного состава. Мне друзья несколько плиток привезли, чтобы быстрее поправлялся...

– А-а-а, то-то я смотрю – обертка странная...

– Значит так, Савва Николаевич, мы говорим об одной и той же Дине – Дине Кайдунате!

Савва Николаевич встал, прошелся по тесноватому кабинету, подошел к окну и стал смотреть на улицу, словно там он мог найти подсказку, что ему делать.

– А вы знаете, Сергей Константинович, что Дина погибла?

– Да, знаю.

– И как погибла?

Савва Николаевич резко повернул голову и посмотрел в глаза больному. Тот не опустил, выдержал взгляд.

– Что об этом сейчас говорить, доктор? Стоит ли ворошить прошлое?

– А когда? Когда время узнать, как погибают друзья?

– Она была вашей любовницей? – спросил Панкратов.

– Нет, не была. Но это не имеет значения. Она была девушкой моего друга.

Панкратов какое-то время сидел молча, опустив голову. Потом поднялся, налил до краев мензурку и выпил коньяк, на этот раз не закусывая.

– Доктор, а теперь послушай меня, – перешел вдруг на «ты» Панкратов. – Только не перебивай, прошу как человека!

Савва Николаевич ничего не ответил, так и остался стоять у окна.

– Мы с Диной родились в маленьком литовском городке Лида, учились в одной школе. Я старше ее на три года, но из-за болезни отстал и оказался с ней в одном классе. Влюбился почти сразу. В общем, не давал ей прохода. Она, понятное дело, сначала не замечала ни меня, ни моих ухаживаний. В то время это было не принято. А потом она как-то даже подружилась со мной, оценив, видно, мою настырность. Так или иначе, мы стали встречаться, ходить на танцы. Я к тому времени уже стал настоящим лидером местной шпаны. Меня боялись, если что не так – бил беспощадно. Бог силу дал немереную. Это я сейчас доходяга, от ветра шатает, а тогда мог голыми руками гвозди гнуть. Дальше – больше. Втянулся в темные дела, потом случайно в драке убил одну сволочь. По малолетству осудили только на шесть лет, четыре отсидел – выпустили. Вышел с зоны, приехал домой, а Дины нет. Говорят, уехала в Ленинград, в мединститут поступила. Я с зоны не писал, думал, не навредить бы. Время такое было: кто из родственников или знакомых в тюрьме – и тебе хода не дают. В общем, поехал я в Питер, нашел Дину, но отношения не налаживались. Она мне как-то говорит: «Не порти мне жизнь. Ничего у нас с тобой не получится. Ты не бросишь своих друзей, а я не хочу такой жизни». Поссорились, одним словом, и сильно. Я обиделся, но виду не подал. Думаю, погоди, сама приползешь на коленях.

Тут мне подстатило: в стране возникла потребность в наркоте. Иностранцы зачастили в Питер, особенно из Скандинавии, а там давно молодежь села на наркоту. Изобрели новую дурь, ЛД называлось. Ну и наши, из продвинутых, стали пробовать. Появился спрос. А где взять? Старые марафетчики поумирали, новых еще не было. Вот я и встал во главе питерского дела по дури. Сначала трафик шел из Швеции, потом круг расширился – Англия, Франция, другие страны втянулись. Сам понимаешь, не всегда удачно шло дело. Погранцы перехватывали партии, тогда в городе наступал кризис. Где взять? Стали решать через знакомых фар-

мацевтов, больницы, «Скорую помощь». Медленно, но верно налаживали поставку морфина через врачей, медсестер. Вот тут-то и представилась возможность проучить Дину. По моему заданию фарцовщики привлекли ее как эксперта. Не помню, что они там втюхивали по тем временам народу: то ли юбки польские, то ли косметику, а может, еще что... Дина охотно согласилась: приработок не мешал студентам... Приняла все за чистую монету, мол, земляки и все такое. Потом незаметно подсадили ее на наркоту, сперва на «колеса», потом и на морфий перешли. Процесс, что называется, пошел. Дина стала наркоманкой, мне же хотелось, чтобы она на коленях приползла когда-нибудь и стала умолять меня о дозе. Но не дождался... Сильной оказалась... А когда полюбила какого-то студента, извини, док, подумал о тебе... В общем, как подменили. Все, говорит моим подручным, бросаю наркоту; ваши товары и деньги мне не нужны, оставьте меня... Но раньше, чем она нас бросила, мы мать ее навестили, лично я сам приехал в Лиду...

Тут Панкратов сделал паузу, налил новую мензурку коньяка и, не предлагая Савве Николаевичу, молча выпил.

– Мать Дины взял в обработку, заставил письмо написать, что она тяжело заболела и ей нужны деньги на лечение. Для верности справку в больнице достал, диагноз рака пищевода состряпали, печать для верности приклепнули и отправили Дине. Через неделю братва передала, что Дина сама пришла, просит денег – пять тысяч. Машина по тем временам столько стоила, если помнишь. Я распорядился дать, ну а потом дело техники: перешли на шантаж. В итоге Дина сломалась: стала для нас морфий воровать с работы, там у них на нейрохирургии клондайк был. Вот тут-то мы с ней и встретились. Назначил ей встречу в Пушкине, на квартире одного моего поделника, Сержа Хромого, любителя поэзии, отличного гитариста и певца. А как он стихи читал! Особенно Есенина, представляешь. Плакала ко всему привычная братва, для которых человека убить, что комара прихлопнуть. В общем, приехала: красивая, статная, похорошела за эти годы так, что глаз не отвести. Сергей, отпетый бабник и наркоман, и тот оробел: необычайной красоты, неземной, Земфира какая-то, так и сказал мне, когда встретил Дину. Я приказал нас двоих оставить в квартире для разговора без свидетелей. Вхожу, Дина меня как увидела, побледнела жутко и говорит: «Понятно, откуда ветер дует». «Главное – в чьи паруса», – отвечаю. А она: «Но только не в твои». Я говорю: «Посмотрим». И к ней бросился, стал раздевать... Думаю, тоже мне, недотрога, а студенту-недоноску за просто так отдаешься. А она ни в какую. Раз два так меня ногой саданула, искры из глаз. Женщина, когда не захочет, ее невозможно изнасиловать. И тут надо же такому случиться: схватила вазу с комода, огромную такую, хрустальную, и что было силы ударила меня по голове. Я на какое-то время отключился, а когда пришел в себя, Дина уже дверь пытается открыть и убежать. В ярость я впал невероятную. Как дернул ее за руку, она головой, прямо виском, об острый угол комода ударилась. Ойкнула и медленно сползла на пол. Я подскочил, смотрю, а у нее зрачки сузились, и вся она как-то обмякла. Я скорее искусственное дыхание делать, растирать грудную клетку – ничего не помогло. Умерла. Заплакал... Последний раз в жизни плакал в тот день, верно, никогда уж больше не заплачу. А тогда...

Он взял бутылку с коньяком и, запрокинув голову, припал к горлышку. Савва Николаевич все так же неподвижно стоял у окна, не проронив ни слова. Он словно окаменел от услышанного. Как теперь поступить с этим человеком, которому он еще недавно спас жизнь? Схватить! Тряхнуть так, чтобы разошлись швы в легких и он захлебнулся бы собственной кровью? «Бесы, это бесы во мне говорят. Это они, проклятые, меня искушают», – почему-то подумалось ему в ту минуту.

– Что дальше? – просипел Савва Николаевич, едва сдерживая себя. – Ну говори, говори! Не тани!

– А все. Заметать следы начали, увезли ее на машине Сержа в парк, закопали в низине под опавшими листьями. Не стало Дины. Вот и все, док, можешь теперь меня убить. Я готов

и прощения просить не буду... – Панкратов опустил голову на стол. – На, режь. Хочешь, нож свой дам? Он всегда со мной.

Савва Николаевич наконец очнулся и вышел из ступора.

– Вам пора в палату, больной. Вы сильно переутомились. Я сейчас позову санитарочку, она вас проводит.

– Нет, док, я сам. Скажи, что было дальше с ее парнем?

Возникшая было у Саввы Николаевича неприязнь к человеку, погубившему Дину, стала понемногу утихать. Да и то, что с него теперь взять? Живет, может, последние дни. «После таких операций, какую перенес этот Панкратов, обычно вообще не выживают. Ему повезло, да и я постарался. А может, зря? Господи, не дай мне во мщение войти!» – мысленно успокаивал себя Савва Николаевич. Наконец он полностью овладел собой.

– Что стало с ее парнем? – переспросил он. – По твоей вине три человека оказались вычеркнутыми из жизни. Нет, Валерий, мой друг жив, здоров, мы с ним видимся. Работает, а вот семью не создал, живет один. Гулял как-то с ним по набережной Невы, он мне и говорит: «Выхожу из дома, брожу по улицам, народ толкается туда-сюда, а у меня впечатление такое, словно я один-одинешенек на всем Васильевском острове». Вот так и живет с болью в сердце.

– Извини и прости, если можешь, док...

Панкратов тихо развернулся, медленно побрел к выходу, не оборачиваясь, открыл дверь и вышел.

Через неделю больного Панкратова выписали. За ним приехали на роскошной иномарке с московскими номерами все тех же двое молодых бравых ребят. Они уверенно, как хозяева, вошли в больницу в своих длинных черных пальто, нагруженные кучей коробок. Остановились около поста медсестры.

– Мы за Панкратовым. Он выписывается сегодня.

– Здесь, в семнадцатой палате, ждет вас с утра. Сейчас позову.

– Нет, мы сами. А это вам от нас подарки: печенье, конфеты, кофе.

Положив коробки на стол, они направились в семнадцатую палату. Через какое-то время оттуда вышли уже трое, вместе с ним. Проходя мимо поста, Панкратов остановился.

– Савва Николаевич где?

– На операции.

– А-а-а. Ну вот, тогда передайте ему это. – Сн протянул медсестре тонкий конверт. – Спасибо всем за все... А Савве Николаевичу поклон отдельный...

И компания медленно зашагала вниз по лестнице.

В конверте оказался кусочек бумаги, оторванный от сигаретной пачки. На ней карандашом было написано: «Если понадобится – позвони». И стоял номер телефона. «Для блатных я – вор в законе по кличке Адмирал. Запомни, может, пригодится. Панкратов».

Савва Николаевич повертел в руках послание бывшего пациента-зека и кинул обрывок в корзину с мусором. Не мог он принимать никакие преференции от блатного, тем более – искалечившего жизнь его друга Валерки Маркасова.

К середине дня, когда солнце ярко светило в окна, Савва Николаевич проснулся, посмотрел на часы и удивился: проспал аж целых семь часов. Давно со мной такого не происходило, удивился сам себе Савва Николаевич.

Вечером, уже сидя в поезде, Новороссийск – Санкт-Петербург и перебирая в памяти все, что с ним случилось за эту неделю, Савва Николаевич невольно перенесся мыслями к своему внуку Дениске. Как-то он там? Что-то молчит. Сессию не сдал, пошел работать на кафедру внутренних болезней санитаром – это хорошо, послушался деда. А дальше что же с ним будет? Как бы не натворил бед. И Савва Николаевич опять стал думать о внуке...

Глава 5. Памятью в детство

Мысленно вернувшись к делам внука-студента, Савва Николаевич размышлял: «В чем причина или причины несобранности Дениса? Какие были упущения в его воспитании? Кто их допустил – отец, мать, может, он сам, многоопытный дед? Какими мы были в его годы? А если мы были другими, то что же такое вложили в нас родители и деды в детстве?» Савва Николаевич стал искать ответы на мучившие вопросы, вороша в памяти свое прошлое.

Савве Николаевичу вспомнился первый толчок, заставивший его задуматься о своих близких и далеких предках. Случилось это на охоте. Он, тогда еще молодой хирург районной больницы, охотился в глухих лесах N-ской области. Уехал на выходные подальше от райцентра и заблудился. К вечеру, уставший, набрел на лесную избушку. Постучался. Никто не ответил. Вошел в избу с невысоким потолком. На столе горела зажженная свеча, сильно пахло прогоревшим воском и чем-то еще неуловимым, памятным с детства, когда он маленьким мальчиком ходил с бабушкой Таней по деревенским избам. Бабушка колдовала над больными, приговаривала и прикладывала какие-нибудь снадобья к щекам или к больному месту, словно это была животворящая рука Всевышнего. И чудо происходило. Безднадежные больные, от которых отказались врачи, вдруг поправлялись, вставали на ноги. Точно такое же ощущение таинства, сохранившееся с детства, сейчас посетило Савву Николаевича, молодого доктора, случайно попавшего в отдаленную деревеньку, где телефон и радио были недоступной роскошью.

Савва Николаевич тихо кашлянул, стараясь хоть как-то привлечь внимание хозяев. Но никакой реакции не последовало. Свеча, потрескивая, медленно горела и едва освещала небольшое пространство около стола. Дальше стояла темень. Постепенно глаза Саввы Николаевича привыкли к темноте, и он различил в дальнем углу фигуру сгорбленного человека в белой рубаше и таких же белых штанах. Человек не то молился, не то плакал, что-то тихо причитая, словно разговаривал сам с собой. «Наверное, все же молится», – подумал Савва Николаевич. Он смущенно стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что делать дальше.

– Сядь, мил человек, сядь, – услышал он вдруг откуда-то сверху голос.

Не понимая, откуда идет этот голос, Савва Николаевич стал озираться, вертеть головой и всматриваться во все углы. Наконец его взгляд уткнулся в русскую печь, стоящую почти посередине избы. Наверху шелохнулся полог, и он с трудом различил чье-то лицо.

– Сядь, посиди. На табуретку садись, – снова прохрипел голос с печи. – Подожди, пока отец Маврикий помолится.

Савва Николаевич покорно сел и стал прислушиваться к молитве... Теперь он мог разглядеть, что в красном углу избы висели большие потемневшие от времени иконы без окладов, но с золотистыми нимбами над головами святых. Свет от свечи колыхался на их суровых и скорбных лицах. Едва заметный синий огонек лампадки подчеркивал торжественность момента и рождал незабываемый запах с детства: ладана и лампадного масла.

На Савву Николаевича медленно напоздали воспоминания своего детства.

Годика в три он только-только начал понимать, что у мамы и папы кроме него есть братья с сестрицею и что все они – его родные. А еще есть бабушка Таня и дедушка Саша – тоже его. Они все Саввушку любят, ласкают, приносят всякие подарки, пряники, конфеты в фантиках – немыслимую роскошь в то голодное послевоенное время. Больше всех его любила бабушка. Она брала Саввушку на руки и все что-то шептала, шептала, рассказывала про все на свете: про петуха, про кошку, про коровку, про всех на свете зверей и людей. Голос у бабушки Тани был тихий, и она никогда его не повышала, даже если дед Саша, высокий богатырь с огромной седой бородой и таким же огромным громким голосом, что-то пытался ей возразить.

– Тише, тише, дедушка. Ты не мешай нам разобраться. Вишь, дело-то какое серьезное. Тут не гром и молнии нужны, а доброта и ласка.

И дед Саша сдавался:

– Ладно, делай как знаешь. Только помни, добрыми намерениями вымощена дорога... сама знаешь куда!

– Тише, тише, Сашенька, разберемся и все сведем к плюсу. Любое дело должно быть добрым, если его с добрыми мыслями творить начали. Не верю я во зло. Оно есть, но оно короткое, как ночь летом. Смеркается, а глядишь – и солнышко показалось.

Дед Саша крякал, брал кисет с самосадом и шел на улицу курить трубку. Не мог он спорить с бабушкой Таней. Она всегда выигрывала споры. И мальчик Савва с младенчества пропитался любовью к бабушке Тане за ее постоянную готовность помочь, сделать добро, не задумываясь о благодарности.

Помнит, как у них случилось горе в семье. На мать, которая работала на картонной фабрике, упала кипа весом около ста пятидесяти килограммов. Ей сломало ключицу и пару ребер, вывихнуло плечо. Он помнил, как увезли мать на машине «Скорой помощи», помнил слезы старшей сестры, строгое лицо отца. И всех успокаивала их бабушка Таня:

– Все будет хорошо. Раны залечат, кости срастутся, а время облегчит душевные страдания.

Мать долго лежала в больнице, и все это время бабушка Таня возилась с четырьмя внуками, самому старшему из которых не было еще и девяти лет, а младшему, Савве, всего только три годика.

Бабушка Таня приучила ребятшек работать в большом домашнем хозяйстве. Сестренку научила доить корову, старшего брата – топить печь, среднего – носить дрова и воду, а младшего, Савву – стеречь цыплят от коршуна. Именно этот эпизод из детства сейчас почему-то явственно всплыл в памяти Саввы Николаевича.

Детство всегда остается надежным прибежищем, куда можно спрятаться, отсидеться, прийти в себя. Какие бы передрыги в жизни ни случались, ты всегда с благодарностью вспоминаешь о детстве, там ищешь ответы на вопросы: что делать, как себя вести?. Детство – сито, через которое пропускается будущая жизнь, только мы понимаем это слишком поздно, когда она уже состоялась.

Савва Николаевич встряхнулся от грустных размышлений о превратностях судьбы, решил еще раз вспомнить свои корни. И первым на ум пришел дед Саша. В пятидесятые годы маленький полустанок, где жил Саввушка, заполнили пришедшие с войны безногие и безрукие калеки. Настоящих мужиков почти не осталось. Только один дед Саша был цел и выделялся своими размерами и мощью.

Александр Михайлов, или дед Саша, казался маленькому Савве олицетворением русской мощи, потому что походил на русского богатыря из сказок, услышанных от бабушки Тани. Высокий, с крепкой широкой грудью, с абсолютно седой головой и такой же седой окладистой бородой, которая всегда была аккуратно подстрижена и расчесана. Своей статью дед Саша производил впечатление даже на взрослых, что уж говорить о ребяташках. Особенно хорош был деда, когда в престольные праздники надевал китель с тремя Георгиевскими крестами, полученными на войне с Японией в 1905 году. Тогда молодой Александр Михайлов, сержант лейб-гвардии Семеновского кавалерийского полка, показывал чудеса храбрости на сопках Маньчжурии. Один раз спас полковое знамя, другой – вынес с поля боя раненого командира. И как-то даже из горячности, необузданной силы и смелости, налетел с эскадроном подчиненных ему конников на японский хорошо охраняемый обоз и отбивал его у врага. А ведь это был фураж для коней, еда для солдат, но главное, оружие и боеприпасы.

Силы дед Саша был необыкновенной. Как рассказывал Савве отец, в молодые годы, еще до службы в царской гвардии, дед Саша во время одного из праздников на спор ударил кулаком в лоб и убил насмерть здорового быка. При коллективизации, когда в колхозы сгоняли крестьян, дед Саша наотрез отказался туда вступать. За что отобрали у него всех лошадей.

Тогда, сам впрягшись в сани или телегу, дед Саша возил дрова из леса, причем нагружал их столько, что лошадь, которую сердобольные односельчане выделили в помощь, чтобы помочь георгиевскому кавалеру, не могла сдвинуть телегу с места. Зато дед Саша легко, как-то играючи, катил тяжеленный воз к дому.

Точно так же, ни у кого не прося помощи, сеял, убирал урожай на своем участке. Помогали ему только многочисленные дети и жены. Детей у него было семеро: шесть дочек и сын. Все трудолюбивые и хозяйственные, а женат дед Саша был трижды.

Сначала он взял в жены дочь разорившегося помещика и принял ее ребенка, девочку Настю. Первая жена умерла в родах, оставив после себя тоже девочку, Прасковью, Паню, как потом ее все называли. Паня с Настей всю жизнь считали себя родными сестрами, хотя родной для них была только мать.

Второй женой деда стала мещанка Елизавета, на которой дед Саша женился, уже будучи на государственной службе. Лейб-гвардии Семеновский полк, в котором служил Александр Михайлов, охранял лично государя-императора России, и служить туда набирали потомков знатных родов. Александр Михайлов относился к очень древнему, но потерявшему имение роду новгородского боярина Арсения, якобы противника легендарного Гостомысла. Так – не так, но в тайных списках древнерусских родов, видимо, Михайловы все же числились, раз их призывали из века в век, из года в год для службы царю и Отечеству. Как бы то ни было, двадцатилетний дед Саша оказался в столице Российской империи Санкт-Петербурге и после двух лет службы женился во второй раз. Они с Елизаветой сняли двухкомнатную квартирку с прислугой на Лиговке, недалеко от Николаевского вокзала, чтобы быстрее добираться на конке до места службы после выходных дней. Елизавета родила деду Саше дочь Серафиму. Сима, так ее называли родные и близкие, выросла дородной женщиной, очень похожей на деда Сашу внешне и по характеру. Это сходство было заметным даже у молодой Симы, в зрелом уже возрасте оно становилось поразительным. Дед Саша очень любил Симу, выделяя ее из всех дочерей, быть может, именно за совпадение родственных признаков.

Елизавета погибла при странных обстоятельствах: как-то утром кухарка нашла ее бездыханной в постели. Дед Саша был на маневрах и узнал о смерти жены только через месяц. Полиция, ведущая дело, следов насилия не нашла и смерть списала на внезапность: сердце отказало, а может, Елизавета задохнулась в мягких пуховых подушках. Пока дед Саша служил, маленькую Симу воспитывала кухарка. После контузии в Маньчжурии георгиевский кавалер дед Саша был списан со службы подчистую. Двадцатипятилетний Александр Михайлов, получив огромное по тем временам жалованье вследствие утраты здоровья и освобожденный от всяких податей, вернулся в родную деревню в N-ской губернии.

В третий раз дед Саша женился на Татьяне, восемнадцатилетней девчонке из соседнего села, куда он случайно попал во время празднования Рождества. Татьяна знала про крутой характер героя войны, но была так бедна, что других женихов ожидать не приходилось. Поплакав, родители благословили дочь. Тогда же обвенчались в местной церкви у отца Константина, который Татьяну и крестил когда-то. Третья жена родила деду Саше трех девочек, сестер Марию, Елену, Евдокию, и сына Григория.

Дом у деда Саши был большой, просторный, разделенный на две половины – зимнюю и летнюю. Содержать такой дом и семью было трудно, поэтому работал дед Саша от зари до зари вместе с молодой женой. Когда подрастали дети, они начинали помогать. Дом был полон: набор необычной мебели, выполненной краснодеревщиком на заказ, одежда для всех на любое время года и еда, какая хочешь. Одной каши подавалось три вида – от гречи и пшеничной до овсяной, а еще горох, пареная репа. Летом употребляли свекольники, квас, вяленую телятину, зимой же свежее мясо каждый день, кроме постов. Постились строго, всей семьей.

Дети росли крепкими, веселыми и независимыми. Да и вообще род Михайловых никогда не был в крепостных, хотя и помещиками стать им не разрешали. Вольными землепашцами

числили они себя. Говорят, Иван Грозный издал такой специальный указ, когда покорил Новгородское княжество, – всех бояр и знатных людей вывести под корень, а если потомки их объявятся, считать тех государевыми людишками, мужская часть которых государю служить обязана. Так вот согласно указу и служили государю по двадцать пять лет мужики рода Михайловых. Служба была не в тягость. Государь щедро платил своим служивым. Денег хватало на все: безбедно жить на старости, семьи содержать. До революции семья Михайловых была самой зажиточной в округе: имели трех лошадей, с десяток коров, стадо овец, кур и всякой другой мелкой живности не счесть.

Всю работу по дому, по хозяйству делали сами, нанимали подсобить лишь на покосе и при уборке урожая – на жатву. Хлеб или ячмень такой нарождался, что соседи-крестьяне только руками разводили. Земля одна и та же, а вот поди-ка ты, у Михайлова на каждую посаженную меру вырастало десять. Таких урожаев ни у кого не было.

Дети росли быстро. Настю с Паней дед Саша определил в Петербург учиться уму-разуму и готовиться к замужеству. Знакомые сослуживцы помогли их устроить в хорошие дома. Настя определилась портнихой в известном салоне на Литейном. Паня ходила в воскресную школу и помогала по хозяйству в семье богатого заводчика.

Но тут грянула революция. Все смешалось в планах деда Саши. Да что семейные дела – целая страна с ног на голову была поставлена. Кто был никем, стал всем. Вот она, линия разграничения. Каждый стал отстаивать свое право. Имущие – на то, чем они владеют, неимущие – на то, чем хотели бы владеть. Наступила великая драка в народе, а так как те, у кого к ее началу не было ничего, составили подавляющее большинство, то и победу в Гражданской войне, конечно же, праздновали они.

Дед Саша тяжело переживал братоубийственную войну. К нему приезжали то комиссары Красной армии, то офицеры из Белой. Все уговаривали деда Сашу пойти воевать на их стороне, но тот твердо отвечал:

– Не моя это война! Да и отвоевался я, контужен, не могу на коне сидеть. Какой я вояка без коня?

Деда Сашу оставили в покое. Но победившие припомнили отказ пойти за них и, завладев окончательно властью, напомнили, кто есть кто. Сперва урезали надел земли, мол, едоков стало меньше. А потом, когда начались гонения на кулаков, и вовсе все отобрали. Оставили одну корову, соху, телегу и зимние сани, остальное реквизировали. Правда, перед этим предложили вступить в колхоз, тогда, мол, не будет дед Саша считаться врагом новой власти. Дед Саша отказался, переехал на отдаленный хутор, где у него была небольшая избушка для заготовки кормов, обустроил ее и стал там жить.

Просторный дом деда Саши советская власть тут же реквизировала и отдала одну половину под избу-читальню, вторую под клуб. Не выслали деда Сашу только из-за его героического прошлого – как-никак георгиевский кавалер, получил высшие ордена царской армии, будучи рядовым, – за личное мужество и храбрость. Да, в общем-то, против советской власти он не агитировал, не выступал. Вот и оставили деда Сашу в покое.

А тут разразилась новая страшная война. Германия во второй раз напала на Россию. Дед Саша несколько ночей не спал, как услышал об этом. Все думал, чем помочь Отечеству. Красные у власти или белые – ему было все равно, главное одолеть супостата. И вот в один из дней на второй месяц войны дед Саша появился в Сосновском военкомате.

В низком деревянном здании было душно от множества людей, заполнивших кабинеты. Военная машина медленно, но верно заработала. Со всех просторов страны потянулись отряды отобриллизованных солдат: тех, кому уже стукнуло восемнадцать, и до тех, кому еще не исполнилось сорока пяти. В добровольцы записывались совсем седые старики вроде деда Саши и очкарики, имеющие «белый билет»... Дед Саша тоже решил добровольцем пойти на фронт.

Дверь кабинета районного военкомата была открыта. Дед Саша увидел за столом усатого, но еще молодого военного с какими-то значками на воротнике. Погон или каких-нибудь других, знакомых деду, знаков различия у военного не было. Тот поднял голову:

– Вам чего, дедушка?

Дед Саша несмело вошел и сел напротив военного на стул.

– Слушаю вас, – повторил тот.

– А вы в каком звании-то будете? – не отвечая на вопрос, поинтересовался дед Саша.

– Капитан.

– А-а-а, вот, значит, как, – все так же неторопливо проговорил дед. – Значит, штабс-капитан...

– Да нет, дедушка, штабс-капитаны, унтер-офицеры, поручики и подпоручики остались в царской армии. А мы – армия Красная, рабоче-крестьянская, у нас теперь другие звания.

– Звания-то другие, да дело старое – воевать.

– Это верно, дедушка, – кивнул головой военком и устало проворчал: – Так вы зачем пожаловали-то? Притомился я сегодня. Если есть что сказать – говорите, а нет – до свидания.

Военный встал и, прихрамывая, прошелся по кабинету, открыл окно на улицу, впустил в комнату свежий воздух и приблизился к старику.

– Ну?

– Не нукай, сынок, не запрягал...

– Вы это, дедуля, не забывайтесь... – начал, было, военный.

Но дед Саша встал, молча расстегнул пыльный ватник. Обнажил левую половину груди, где тускло поблескивали Георгиевские кресты. Военком оторопело уставился на них. Потом надел фуражку, приняв стойку «смирно», отдал ему честь.

– За германскую?

– За японскую.

– Так сколько же вам, дедуля, лет?

– Сколько ни есть, все мои, – застегивая ватник, ответил дед Саша.

– Ну а все же, дедуля? Лет под шестьдесят?

– Шестьдесят шестой пошел, – хмуро ответил дед.

– А с виду не скажешь. Вот закалка! – восхищенно воскликнул военком.

– А ты что хромаешь? Смотрю, и медали у тебя, сынок, имеются. Где успел?

– На Халкин-Голе, тоже с япошками.

– Халкин-Гол мы на рысях тогда проскочили, спешили к Порт-Артуру. Застряли под Ляо-Ляном, там и воевал, пока не контузило.

– Да мы с вами, дедуля, оказывается, одним врагом мечены? А что, если по этому случаю нам отметить? Вроде бы дела на сегодня закончены. Пойдемте, тут у меня завхоз закуток для отдыха приготовил. Там есть что перекусить и по стаканчику пропустить, – предложил военком.

– Ну что ж, горло смочить я не возражаю. Да и поговорим по-мужски.

Дед Саша пошел следом за военкомом. Они миновали длинный коридор; почти в самом его конце военком открыл незаметную дверцу. Та вела в небольшую комнатку, где стояла кровать, тумбочка и столик у зарешеченного окошка.

– Вот, дедуля, мои апартаменты. Прошу, – показал военком на стул. – Садитесь.

Военком оперативно достал и открыл банку тушенки, разрезал на куски полбуханки черного хлеба, очистил пару луковиц и поставил тарелку с солеными огурцами. Потом откуда-то взялась бутылка настоящей водки.

– Казенная? – спросил дед Саша.

– А? – не понял сначала военком. – Да, казенная, казенная, в паек входит. Дело, сами понимаете, серьезное завертелось. Пакет по нормам военного времени.

Выпив по стакану водки, военком вдруг огорошил деда:

– А я знаю, зачем вы пришли. – И на немой вопрос деда Саши сам и ответил: – Хотите добровольцем в армию пойти, так?

– Да, так, – выдержав паузу, ответил дед Саша. – И хочу, чтобы ты мне помог в этом, сынок.

– Не положено! Кстати, как вас звать-величать?

– Михайлов Александр Киреевич. А тебя как, сынок?

– Храмцов Иван Митрофанович.

Дед Саша про себя усмехнулся: «Хромает и Храмцов, как нарочно».

– Не положено, Александр Киреевич. Берем только до сорока пяти лет рядовой состав, командиров до пятидесяти пяти, да и то в порядке исключения. Добровольцы – та же армия, в ней действуют армейские законы. Поэтому помочь вам не смогу. Хотя вашу гражданскую позицию понимаю и от имени Красной армии благодарю.

Он, видимо, хотел сказать что-то еще, но дед Саша его перебил:

– С нынешней властью я не дружу и Красную армию не знаю, какая она, хорошая или плохая. Я просто хотел помочь разбить германца, могу быть полезным в обозном хозяйстве, с лошадьми или еще где. Силенка пока есть, дети выросли, могу России-матушке послужить напоследок. А там и умереть, как Господь определит. Но лучше бы на поле брани, как старому солдату. Может, и не пошел бы, да смотрю, ваша Красная армия отступает, немец под Смоленском. Чего еще ждать? Да и ваш усатый комиссар попросил нашей помощи. Вспомнил, что мы все братья и сестры. Вот как допекло! А то все – враги народа да вредители. Какие мы враги собственному народу? Мы – русские, за Россию, а не за красных, или белых, или еще каких. У вас ведь то троцкисты, то еще кто, язык сломаешь.

– Нет, тут вы, Александр Киреевич, неправы. Отступаем, да, но временно. Враг напал неожиданно, можно сказать, ударил в спину. Вот-вот Красная армия его остановит. Дайте отмотилизоваться, и все пойдет как надо. А советская власть, любит ее кто или нет, надолго, так что привыкайте к ней. Пора! – запальчиво ответил немного опьяневший военком.

– Может, и надолго, но не навсегда, – как бы про себя произнес дед Саша.

Но военком уже не слушал, что говорил старый солдат. Он разлил остатки водки по стаканам и, чокнувшись с дедом Сашей, выпил. Заел соленым огурцом и предался воспоминаниям своего боевого пути на Халкин-Голе.

– ...Мы сперва не поняли, что к чему. Вдруг ни с того ни с сего самолет появился, как призрак, и прямо по нашей колонне танков бомбит. Минута, вторая – появляется из-за сопки враг и пулеметами по пехоте на марше. А потом раскусили: наводчики у них по всем сопкам вокруг рассажены и корректируют вылеты самолетов. И аэродромы наловчились между сопками делать. Выравниют землю, утрамбуют, а потом сетку металлическую сверху натянут. Вот и готов аэродром. Через день можно его перенести в другое место. В такой обстановке мы большие потери несли. Япошки же совсем обнаглели, стали летать прямо над штабными вагончиками. А наши летчики пока поднимутся с оборудованного аэродрома, подлетят, а самураев уже и след простыл. Не ладилось у нас, пока не приехал Жуков. Тот быстро все изменил. Колонны наши ночью стал отправлять, а днем огнем из пушек по соседним сопкам японских корректировщиков гонять. Потом и свою воинскую разведку вперед бросил. Вот тут-то мы япошкам сюрприз и преподнесли. Незаметно подошли да как массированным пушечным огнем ударили... Танки по сто – двести километров за день вперед уходили. Разбили узкоглазых к чертовой матери, всю их хваленую армию, за две недели. Генералы сразу поняли, что проиграли, мира запросили. Вот так, дедуля, мы не то что царская армия, которая в 1905 году япошкам проиграла. Мы за вас отомстили. Да так, что долго будут сидеть, хвосты поджав. Против нас в этой войне они не пойдут. Нет, не пойдут, – как бы подтверждая свою уверенность, дважды повторил военком.

– Хорошо бы. Японский солдат воевать умеет, не стоит еще и с ним задираться. Немца бы одолеть, – соглашаясь с военкомом, произнес дед Саша. – Ты отдыхай, штабс-капитан, а я пойду. Мне добираться еще двадцать верст до дома. Спасибо за угощение. Если понадобится – найди меня, я в Аргунове живу. Там меня всякий знает.

– Не беспокойся, дедуля, разыщем, если что.

Военком встал и проводил деда Сашу до крыльца. Пожав друг другу руки, они распрощались...

Так старый георгиевский кавалер не смог попасть на Отечественную войну. Наверное, это и спасло ему жизнь. Прожил дед Саша очень долго, умер в 1969 году в возрасте восьмидесяти пяти лет. За свои годы дед Саша много чего повидал и много чего успел сделать. Главным же в его жизни были две вещи – любовь к России и любовь к детям, что, собственно, практически одно и то же.

Внешне эта любовь никак не проявлялась. И даже наоборот, некая строгость, если не сказать жесткость, в воспитании своих собственных детей, а потом и внуков, как-то отталкивала от него ребятню, делала из него чуть ли не монстра, способного лишь строжить и наказывать. Но, как ни странно, никто не мог вспомнить, чтобы дед хоть раз кого-нибудь ударил или шлепнул. Один его суровый вид внушал детям страх и почтение. Однако, когда все выросли и разъехались кто куда, то часто с теплом вспоминали своего сурового деда Сашу. Так случилось и с Саввой.

В один из приездов пятилетнего Саввы в гости к бабушке Тане дед спросил его:

– Что умеешь делать?

Савва ответил, что умеет считать до семи.

– Да-а-а, – крикнул дед. – Тогда бери вот этот инструмент, – он показал на ящик с ручкой, – и разрежь на нем семь стеблей табака.

– Ладно тебе, дед, дай внуку освоиться, прийти в себя. А ты сразу за свой табак, – заступилась за внука бабушка Таня.

Но дед строго посмотрел на нее и произнес:

– Пусть учится делом заниматься. Ты забыла, что сама делала в свои пять лет?

– Полы в доме мыла, белье на каталке гладила, коров в поле гоняла... Да мало ли чего. Но тогда другое время было. Ты, дед, не вспоминай об этом лишний раз. Чего хорошего, что я в такие годы работать начала? – не согласилась бабушка Таня.

– Труд еще никого не испортил. И чем раньше человек поймет это, тем больше от него пользы, – пробурчал дед, доставая инструмент для резки табака. – Вот смотри, Савва, ставишь сюда сухой стебель табака, с самого краешка, и начинай вверх-вниз ручкой водить. Только пальцы не суй, отрубит.

И дед показал Савве, как нужно резать табачные стебли и листья. Савве работа понравилась, и, разрезав семь стеблей, он попросил у деда поработать.

– Можно, деда, я еще порежу?

– Нет, хватит, – строго сказал дед. – Для первого раза хватит. Работа в радость должна быть, а в тягость нужда заставит, – добавил он, пряча ящик на место. – А ты, смотри, с руками растешь. И голова на месте.

Савва потрогал голову – действительно ли на месте, посмотрел – руки тоже как руки. Непонятно, что дед сказал? Но горевать мальчик не стал, а занялся своими ребячьими делами.

В обед дед Саша садился во главе стола на своем большом стуле. Около деда в праздники и выходные дни всегда стоял самовар, а в обычные дни – только что снятый с керогаза горячий чайник. Дед любил чаепитие. Пил чай по старинному уставу: первые три стакана разливал на блюдце с голубой каймой и пил медленно, вприкуску с сахаром. Остывший чай дед Саша выпивал прямо из стакана. Савва, знавший цифры только до семи, сбивался со счета дедовым стаканам.

Сам Савва сахар не любил. Ему нравились конфеты, которые в ярких обертках лежали на блюдечке рядом с сахарницей. Дед Саша строго следил, чтобы внук чай пил только после того, как все съест. Обязательное условие – одна конфета на один стакан чая. Савве очень хотелось съесть лишнюю конфету, но не получалось. Под строгим взглядом деда он с большим трудом выпивал два стакана и, обессиленный, падал на спинку стула. Бабушка Таня просила деда:

– Ну, пусть еще конфетку возьмет, он же ребенок...

Дед же понимал свою роль иначе.

– Баловство! Сказано: сколько стаканов, столько и конфет, – отвечал он, вставая из-за стола и давая понять, что обед окончен.

В свободное время любимым занятием деда Саши было курение трубки. Вырезанная из огромного сучка вишни старым ленинградским мастером Федоровым, она как нельзя лучше дополняла облик деда, делая его похожим на позднего Тургенева, но только с трубкой во рту. Курил дед много, за день мог выкурить целый кисет крепчайшего табака-самосада, который растил и готовил сам на целый год. Половину небольшого участка, принадлежавшего деду и бабушке Тане, занимал табак.

Савва как-то попросил:

– Дед, дай и мне попробовать твою трубку?

Дед усмехнулся:

– Ну на, попробуй, – и протянул Савве мундштук.

Тот, совсем как дед, попытал сперва, а потом глотнул дым и, закашлявшись, чуть не выбросил трубку.

– Забери, забери обратно, – закричал мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.